В. К. ПОРЖЕЗИНСКІЙ.

ИНДОЕВРОПЕЙСКІЯ ДРЕВНОСТИ

СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ

СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ.

По поводу новаго изданія труда проф. Шрадера
„SPRACHVERGLEICHUNG UND URGESCHICHTE"
(I и II, 1, Jena 1906).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1906.

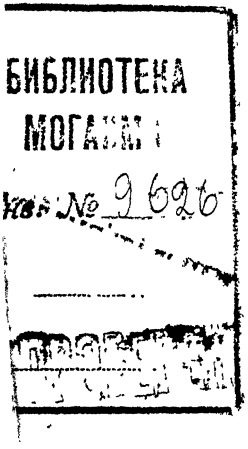
В. К. ПОРЖЕЗИНСКІЙ.

ИНДОЕВРОПЕЙСКІЯ ДРЕВНОСТИ

СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ

СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ.

По поводу новаго изданія труда проф. Шрадера
„SPRACHVERGLEICHUNG UND URGESCHICHTE“
(I и II, 1, Jena 1906).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1906.

Р
541

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1906 годъ.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
2/6
54

Передъ нами лежатъ первые два выпуска новаго, третьяго по счету, изданія извѣстнаго труда проф. Шрадера, посвященнаго индоевропейскимъ древностямъ и заключающаго въ полномъ своемъ составѣ три отдѣла, исторію разработки названной отрасли знанія, ея методологію и обзоръ главнѣйшихъ проблемъ въ видѣ связныхъ очерковъ. Нельзя не отдать должнаго уваженія трудолюбію и неутомимости почтеннаго автора, который пять лѣтъ тому назадъ обогатилъ научную литературу очень цѣннымъ словаремъ индоевропейскихъ древностей („Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde", Strassburg, 1901). Выпустивъ въ свѣтъ эту обширную работу, потребовавшую немало времени и труда, онъ съ юношескимъ жаромъ и воодушевленіемъ берется за переизданіе разбираемой книги, при чемъ въ теченіе пятилѣтняго періода, прошедшаго между окончаніемъ словаря и появленіемъ первыхъ двухъ выпусковъ „Sprachvergleichung und Urgeschichte", имъ написано нѣсколько болѣе мелкихъ работъ и проредактировано 7-е изданіе изслѣдованія В. Гена (*V. Hehn.* Kulturpflanzen und Haustiere in ihrem Uebergang von Asien nach Griechenland und Italien sowie in das übrige Europa").

Сравнительно новая отрасль научнаго знанія, индоевропейскія древности (indogermanische Altertumskunde), имѣетъ въ лицѣ проф. О. Шрадера наиболѣе виднаго и компетентнаго представителя, трудамъ котораго она обязана въ значительной степени своими успѣхами и прочнымъ положеніемъ въ кругу другихъ наукъ. Немаловажность этой заслуги выдвигается еще больше, если мы обратимъ вниманіе на то, что научная, не дилеттантская работа въ данной области требуетъ довольно рѣдко встрѣчающагося соединенія въ одномъ лицѣ хорошаго лингвистическаго образованія съ основательною подготовкою

въ сферѣ исторіи культуры съ цѣлымъ рядомъ дополнительныхъ и вспомогательныхъ дисциплинъ. Понятно, что такая обширная ученость создается только годами упорнаго, непрерывнаго труда, и что не менѣе труда требуется для того, чтобы не сойти съ достигнутой позиціи и вмѣстѣ съ тѣмъ итти впередъ по пути прогресса. Вся научная дѣятельность почтеннаго автора представляетъ образецъ ревностнаго служенія тому, что стало для него цѣлью его жизни, и достойный подражанія примѣръ постепеннаго совершенствованія и расширенія какъ пріемовъ, такъ и самой матеріальной стороны изслѣдованія. Особенно яркими показателями этого обстоятельства являются три послѣдовательныхъ изданія „Sprachvergleichung und Urgeschichte“, изъ которыхъ послѣднее пока закончено только на $^2/_3$ (1-е изданіе, переведенное и на русскій языкъ, вышло въ 1883 г.; 2-е изданіе, сильно переработанное, относится къ 1890 г.; первые два выпуска 3-го изданія, доведеннаго до современнаго научнаго уровня, помѣчены 1906 годомъ). Въ настоящей статьѣ я не могу входить въ подробности и дать законченную картину научной эволюціи проф. Шрадера въ предѣлахъ указанныхъ хронологическихъ рамокъ; пока моя цѣль другая, а именно я имѣю въ виду познакомить читателей съ общими методологическими воззрѣніями и съ главнѣйшими выводами автора въ томъ видѣ, какой они получили въ лежащемъ передъ нами трудѣ. Это необходимо уже потому, что многіе читатели, стоящіе довольно далеко отъ науки о языкѣ и тѣсно связанной съ нею дисциплины индоевропейскихъ древностей, легко могутъ впасть въ заблужденіе, пользуясь устарѣвшимъ переводомъ на русскій языкъ разбираемой книги, ссылки на который мнѣ приходилось встрѣчать неоднократно при наличности новаго изданія оригинала.

Прежде всего я долженъ замѣтить, что уже въ самомъ заглавіи книги отразилось современное состояніе науки о языкѣ, имѣющей пока дѣло почти исключительно съ индоевропейскими языками, а потому слова „Sprachvergleichung“ и „Urgeschichte“ и должны быть понимаемы въ приложеніи къ индоевропейскимъ языкамъ и къ народностямъ, говорящимъ этими языками. Данныя изъ другихъ областей привлекаются лишь постольку, поскольку они нужны для выясненія основныхъ вопросовъ изслѣдованія. Нелишнимъ является поэтому подзаглавіе: Linguistisch-historische Beiträge zur Erforschung des indogermanischen Altertums, ясно показывающее, какой именно объемъ имѣютъ термины самого заглавія.

Первый выпускъ содержитъ два отдѣла: „Къ исторіи лингвисти-

ческой палеонтологіи“ и „Къ методу и критикѣ лингвистическо-историческаго изслѣдованія“.

Нельзя не быть признательнымъ автору за то, что онъ и въ новомъ изданіи сохранилъ очень важный обзоръ исторіи разработки тѣхъ вопросовъ, которые составляютъ такъ называемую „лингвистическую палеонтологію“. Въ такой сравнительно молодой отрасли знанія особенное значеніе имѣютъ справки въ прошломъ, которыя удовлетворяютъ не только любознательность, но вмѣстѣ съ тѣмъ являются существенно необходимыми для уясненія какъ общихъ задачъ изслѣдованія, такъ и его пріемовъ. Правда, авторъ долженъ былъ сдѣлать извѣстныя сокращенія въ разсматриваемомъ отдѣлѣ сравнительно съ предшествующимъ изданіемъ для того, чтобы выгадать мѣсто для изложенія литературы предмета за послѣднія пятнадцать лѣтъ, но съ этимъ приходится мириться, такъ какъ главная цѣль проф. Шрадера все-таки дать введеніе историческаго характера, а не полную и обстоятельную исторію своей науки. Разсматривая съ этой точки зрѣнія соотвѣтственныя страницы его книги, мы не можемъ не признать, что онъ удачно разрѣшилъ поставленную себѣ задачу и крупными, отчетливыми штрихами намѣтилъ всѣ важнѣйшіе моменты и теченія. Для читателя-славянина, можетъ быть, было бы желательно найти здѣсь попутно свѣдѣнія и о славянской литературѣ въ бо́льшихъ размѣрахъ, чѣмъ то имѣетъ мѣсто, но это въ концѣ концовъ не такъ важно, потому что серьезныя работы примыкаютъ къ научному движенію запада, а собираніе крупицъ истины въ дилетантскихъ произведеніяхъ, наполненныхъ грубыми промахами, не составляетъ задачу общаго, сравнительно краткаго, очерка. Съ другой стороны, нельзя забывать и того, что невозможно перегружать книгу указаніями на литературу, въ общемъ недоступную для огромнаго большинства читателей. Однако, я позволю себѣ два-три небольшихъ замѣчанія по поводу тѣхъ страницъ, гдѣ цитируются труды русскихъ ученыхъ. На стр. 141—142 говорится о томъ, что великорусскій языкъ, несмотря на обширность территоріи, имъ занимаемой, представляетъ только діалекты, не отличающіеся существенно другъ отъ друга. „Также, продолжаетъ проф. Шрадеръ, малорусскій и бѣлорусскій языки, по мнѣнію отличныхъ славистовъ, напримѣръ, Соболевскаго (Лекціи по ист. русск. яз.[3], стр. 2), не могутъ разсматриваться, какъ самостоятельные языки по отношенію къ великорусскому языку“. Здѣсь неточно опредѣляется взаимное положеніе названныхъ языковъ, такъ какъ термины языкъ и нарѣчіе совсѣмъ не исклю-

чаютъ другъ друга, и во избѣжаніе недоразумѣній каждый разъ мы должны выяснять, отъ какихъ признаковъ мы отправляемся: отъ связи въ настоящемъ или отъ связи въ прошломъ (ср. романскіе языки и романскія нарѣчія и т. п.). Особенно часто запутывается положеніе дѣла умышленнымъ или неумышленнымъ смѣшеніемъ терминовъ, когда, какъ, напримѣръ, въ данномъ случаѣ, названіе цѣлаго является въ то же время обозначеніемъ части: ср. „русскій языкъ“ въ значеніи „языкъ восточныхъ славянъ во всѣхъ его разновидностяхъ“ и въ болѣе тѣсномъ значеніи „языкъ великорусскаго племени“. На стр. 152 повторяется въ общемъ вѣрная мысль Соболевскаго, что „финская кровь“ не оказала ни малѣйшаго вліянія на единство русскаго языка безъ оговорки о неправильности его утвержденія (приводимаго тутъ же) о томъ, что кромѣ нѣсколькихъ словъ, существующихъ въ окраинныхъ сѣверныхъ и восточныхъ великорусскихъ говорахъ и чуждыхъ русскому литературному языку, финны не внесли ничего. Дѣйствительно, полногласіе и аканье, о которыхъ упоминается далѣе, не могутъ быть сводимы на вліяніе финновъ, но слова, заимствованныя изъ финскихъ языковъ, не чужды литературному языку [1]). На стр. 236 („Nachträge und Berichtigungen“) упоминается извѣстный трудъ Будиловича о культурѣ славянъ по даннымъ языка, слѣдовало бы при этомъ сослаться хотя бы на рецензію Брюкнера въ Архивѣ Ягича (Archiv f. sl. Ph. IV) для того, чтобы читателю, не спеціалисту, было болѣе или менѣе ясно научное значеніе этой работы, остающееся подъ большимъ сомнѣніемъ.

Обращаясь къ общему обзору содержанія перваго отдѣла, замѣчу, что онъ распадается на четыре главы: изъ нихъ первая говоритъ вообще о началѣ лингвистическо-историческихъ изслѣдованій, между тѣмъ какъ вторая, третья и четвертая разсматриваютъ въ послѣдовательномъ порядкѣ исторію разработки трехъ важнѣйшихъ проблемъ индоевропейскихъ древностей: 1) о культурѣ индоевропейцевъ; 2) о разселеніи индоевропейцевъ и 3) объ ихъ прародинѣ.

Первая глава даетъ въ общемъ ясное и хорошее представленіе о томъ, какъ постепенно возникла мысль, что признаніе доказаннаго Боппомъ общаго происхожденія отъ одного предка тѣхъ языковъ,

[1]) Что касается народныхъ говоровъ, то слова, заимствованныя изъ финскихъ языковъ, мы находимъ не только въ нѣкоторыхъ окраинныхъ діалектахъ великорусскаго языка, а что касается литературнаго языка, то не говоря уже о сотняхъ топографическихъ названій, такого происхожденія, напримѣръ, слова *мыза*, *пурга*, *нары* и др.

которые мы называемъ индоевропейскими, влечетъ за собою представленіе о пра-индоевропейцахъ, о возможности открыть ихъ культуру, исторію ихъ разселенія, найти ихъ прародину. Не вдаваясь въ слишкомъ большія подробности, авторъ указываетъ здѣсь совершенно справедливо на то, что къ половинѣ XIX вѣка болѣе или менѣе сложились опредѣленные отвѣты на вопросъ о прародинѣ, которую искали въ Азіи у истоковъ Аму- и Сыръ-Дарьи, исходя какъ изъ общихъ соображеній, такъ и изъ нѣкоторыхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ области науки о языкѣ (сюда относится заключеніе о появленіи индійцевъ въ Индіи съ сѣвера, такъ какъ отсюда, изъ общей съ другими индоевропейцами прародины, ими было вынесено знакомство съ березой, названіе которой несомнѣнно было извѣстно въ эпоху общеиндоевропейскую), частію изъ преданій древнѣйшей литературы иранцевъ и индійцевъ. На болѣе широкую почву изслѣдованіе вопросовъ, входящихъ въ кругъ индоевропейскихъ древностей, было поставлено, послѣ нѣсколькихъ болѣе или менѣе удачныхъ попытокъ предшественниковъ, лишь въ 1845 г. А. Куномъ, набросавшимъ на основаніи данныхъ сравнительно-историческаго изученія языковъ нашей семьи общую картину состоянія культуры индоевропейцевъ эпохи ихъ единства. Къ этому именно времени были положены болѣе прочныя основы какъ для сравнительно-исторической грамматики, такъ и для примѣненія ея данныхъ въ области исторіи культуры, трудами Потта, Бенфея и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ, давшихъ критически провѣренныя по тогдашнему состоянію науки работы этимологическаго характера, изъ которыхъ можно было извлечь цѣлые списки словъ культурно-историческаго значенія. За Куномъ послѣдовалъ въ 1848 г. Яковъ Гриммъ, посвятившій занимающимъ насъ вопросамъ нѣсколько главъ своей исторіи нѣмецкаго языка. Исходя изъ данныхъ нѣмецкаго языка, этотъ ученый сопоставилъ съ ними указанія, извлекаемыя изъ другихъ родственныхъ языковъ, причемъ его трудомъ въ зародышѣ была дана мысль о томъ, что между эпохой общеиндоевропейской и эпохой самостоятельной жизни нѣмецкаго языка и племени, засвидѣтельствованной исторіей, лежатъ промежуточныя культурныя эпохи. Методъ, которымъ пользовались Кунъ и Гриммъ, отличается своею простотою: если извѣстное слово повторяется во всѣхъ индоевропейскихъ языкахъ или въ большинствѣ ихъ приблизительно въ одномъ и томъ же видѣ (измѣненіе звуковой стороны согласно законамъ каждаго даннаго языка въ счетъ не идутъ) и приблизительно съ однимъ и тѣмъ же значеніемъ, то оно, слѣдовательно, относится

къ индоевропейской эпохѣ, равно какъ и то понятіе, которое обозначаетъ данное слово. Такъ думали въ то время и изъ соотвѣтствія между собою, напр., др. инд. *açva*, ав. *aspa*, лат. *equus*, греч. ἵππος, лит. *aszva* [1]), др. ирл. *ech*, др. сакс. *ehu* безъ дальнѣйшихъ оговорокъ выводили заключеніе, что индоевропейцамъ была извѣстна лошадь, какъ домашнее животное. Итакъ, въ половинѣ XIX в., казалось, были даны вполнѣ надежные и обстоятельные отвѣты на вопросы, касавшіеся прародины индоевропейцевъ, ихъ разселенія и ихъ древнѣйшей культуры, но дальнѣйшіе успѣхи науки поколебали эту увѣренность, и разсказу объ этомъ, новомъ періодѣ посвящены слѣдующія три главы, при чемъ для удобства изложенія оно разбивается на части соотвѣтственно тремъ основнымъ проблемамъ.

Во второй главѣ, посвященной попыткамъ возстановить культуру индоевропейцевъ до момента ихъ разселенія, мы встрѣчаемся опять съ Куномъ, который въ 1855 г. помѣстилъ въ IV т. редактируемаго имъ журнала „Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung“ статью подъ заглавіемъ „Die Sprachvergleichung und Urgeschichte“. Здѣсь были имъ высказаны нѣкоторыя замѣчанія, имѣющія крупное методологическое значеніе. Касаются они того примѣненія сравнительнаго метода, которое онъ получилъ въ рукахъ самого Куна 10 лѣтъ тому назадъ, а именно здѣсь указывается на то, что проще всего обстоитъ дѣло, если названіе того или другого культурнаго явленія тожественно по происхожденію и въ корнѣ, и въ суффиксѣ или во всѣхъ индоевропейскихъ языкахъ, или по крайней мѣрѣ въ такихъ изъ нихъ, которые имѣютъ наиболѣе длинный рядъ литературныхъ памятниковъ; однако, это встрѣчается не часто, и вообще не такъ часты случаи, когда извѣстное слово имѣетъ себѣ соотвѣтствіе во всѣхъ или въ важнѣйшихъ родственныхъ языкахъ. Объясняется это тѣмъ, что кругъ представленій отдѣльныхъ народовъ измѣнялся, расширяясь или суживаясь, въ зависимости отъ природы странъ, черезъ которыя они двигались, и отъ степени культурности племенъ, вступавшихъ съ ними въ тѣ или другія отношенія, при чемъ исчезали многіе обычаи и привычки среди новыхъ условій жизни. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ фактѣ, что у грековъ, римлянъ и нѣмцевъ встрѣчаются

---

[1]) Лит. *aszva*—„кобыла“ имѣетъ точное соотвѣтствіе въ древнеинд. *açvā*, лат. *equa*, а не въ древнеинд. *açva*, лат. equus, этотъ примѣръ представляетъ одно изъ тѣхъ различій въ словообразовательной формѣ, отъ которыхъ отвлекались въ то время при сопоставленіи словъ для цѣлей исторіи культуры.

такія названія животныхъ и растеній, которыя неизвѣстны древнимъ индійцамъ, встрѣтившимъ въ новой родинѣ столь своеобразную природу. Однако это обстоятельство имѣетъ серьезное значеніе, такъ какъ существованіе въ индоевропейскомъ праязыкѣ извѣстныхъ культурныхъ терминовъ остается вслѣдствіе этого недоказаннымъ и является только болѣе или менѣе вѣроятнымъ. Затѣмъ Кунъ отмѣчаетъ еще и тотъ пунктъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы лишены возможности опредѣлить значеніе слова въ индоевропейскомъ праязыкѣ, разъ въ отдѣльныхъ языкахъ мы находимъ различныя значенія родственныхъ словъ (ср. греч. φηγός—„дубъ“ и лат. fagus—„букъ“). Вышеприведенныя указанія Куна съ теченіемъ времени были формулированы точнѣе, расширены и дополнены между прочимъ въ связи съ обсужденіемъ новыхъ попытокъ начертать картину состоянія культуры индоевропейцевъ въ ихъ прародинѣ, предпринятыхъ нѣсколькими учеными, среди которыхъ видное мѣсто занимаетъ *Pictet*, служившій долгое время источникомъ поученія для историковъ и этнологовъ, несмотря на серьезныя возраженія спеціальной критики. Съ методомъ *Pictet* проф. Шрадеръ знакомитъ читателя въ достаточной степени, выдвигая на первый планъ основные его недостатки, выдѣляющіеся на общемъ фонѣ тогдашняго отношенія къ даннымъ языка. Мы видимъ, что авторъ, высказавшись въ пользу древней Бактріи, какъ прародины индоевропейцевъ, на основаніи общихъ соображеній и данныхъ, извлеченныхъ имъ изъ показаній языка, безъ дальнѣйшихъ оговорокъ вдвигаетъ въ общую картину рисуемаго имъ быта всѣ тѣ элементы, на которые указываютъ географическія и естественно-историческія особенности упомянутой мѣстности, хотя бы у него и не было другихъ основаній для этого. Съ другой стороны, Пиктэ нисколько не заботится о томъ, чтобы выдѣлить въ лингвистическомъ матеріалѣ, имъ привлекаемомъ, факты дѣйствительно древніе отъ позднихъ, явившихся въ предѣлахъ отдѣльнаго существованія родственныхъ языковъ, частью на памяти литературной традиціи; само собою разумѣется, что въ своихъ лингвистическихъ комбинаціяхъ онъ сверхъ того очень смѣлъ даже съ точки зрѣнія тогдашняго уровня знанія законовъ фонетики языковъ нашей семьи. Если мы къ этому присоединимъ еще убѣжденіе (впрочемъ, вообще господствовавшее въ то время) въ большей древности древнеиндійскаго языка сравнительно съ другими родственными языками, заставлявшее нашего автора отправляться отъ его показаній для опредѣленія культурнаго состоянія индоевропейцевъ, то мы получимъ общее представленіе о томъ, насколько надежны были его пріемы

изслѣдованія. Правда, лучшіе знатоки древнеиндійскаго языка обратили своевременно (1-ое изданіе книги *Pictet* относится къ 1859—1863 гг., второе къ 1877 г.) вниманіе на произвольное отношеніе автора къ даннымъ языка въ этой именно области, но ихъ голосъ не произвелъ должнаго впечатлѣнія на многихъ ученыхъ, стоявшихъ далеко отъ движенія научной работы въ области языковѣдѣнія.

Въ Германіи также не было недостатка въ попыткахъ представить связный очеркъ культуры индоевропейскаго періода; иранистъ Юсти далъ въ общемъ приблизительно ту же картину, что и Пиктэ, но выдающійся лингвистъ Шлейхеръ, оставившій крупные слѣды въ исторіи нашей науки, уже въ 1860 г. указалъ на возможность заимствованія культурныхъ терминовъ однимъ народомъ у другого, заставляющую относиться осторожно къ тѣмъ изъ такихъ словъ, которыя не повторяются во всѣхъ родственныхъ языкахъ или по крайней мѣрѣ въ двухъ группахъ: славяно-литовско-нѣмецкой и иранско-индійской (припомнимъ, что въ это время уже былъ поставленъ вопросъ о такъ называемыхъ „бродячихъ сюжетахъ“ въ миѳологіи и народной словесности); кромѣ того Шлейхеръ отмѣтилъ неправильность заключеній, дѣлаемыхъ на основаніи отсутствія у даннаго народа извѣстныхъ культурныхъ терминовъ, родственныхъ съ соотвѣтственными терминами другихъ языковъ, такъ какъ такія слова могутъ теряться, исчезать изъ языка въ теченіе тысячелѣтій его жизни, поэтому неправильны выводы, базированные на наличности того или другого слова у одного народа и случайнаго, можетъ быть, отсутствія его у сосѣдей.

Общею чертою многочисленныхъ попытокъ реконструкціи бытовыхъ и культурныхъ условій жизни индоевропейцевъ, предпринятыхъ въ теченіе разсматриваемаго періода, проф. Шрадеръ признаетъ съ полнымъ основаніемъ представленіе о высокомъ уровнѣ этой жизни, знавшей сложившіяся уже отношенія семейныя, общинныя и государственныя, земледѣліе и скотоводство, почти всѣхъ современныхъ домашнихъ животныхъ и т. п. Значительную роль играли при этомъ своеобразныя романтическія идеи о своего рода „золотомъ вѣкѣ“, въ которомъ жили наши отдаленные предки въ прародинѣ, а также гордая мысль о богатыхъ дарованіяхъ нашей расы, играющей столь выдающуюся роль въ общей культурной исторіи человѣчества и рано создавшей довольно высокую цивилизацію. Затрудненіе, явившееся со стороны археологіи, открывшей низкую ступень культуры обитателей Европы, оставившихъ послѣ себя „кухонные остатки“, обходили, указывая на смѣну населенія Европы, вызванную появленіемъ индоевропейцевъ

изъ Азіи, принесшихъ съ собою свѣтъ цивилизаціи вмѣстѣ съ металлами.

Идиллическимъ картинамъ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ былъ нанесенъ серьезный ударъ трудомъ В. Гена „Kulturpflanzen und Haustiere in ihrem Uebergang von Asien nach Griechenland und Italien sowie in das übrige Europa“, вышедшимъ первымъ изданіемъ въ 1870 г. В. Генъ, завершая въ своемъ лицѣ рядъ критиковъ прежнихъ способовъ пользованія лингвистическими данными, заложилъ прочное основаніе для возведенія новаго зданія на болѣе солидномъ фундаментѣ. Проф. Шрадеръ, одинъ изъ главныхъ зодчихъ этой работы, относится къ своему, можно сказать, учителю съ понятнымъ чувствомъ уваженія и благодарности, посвятивъ его памяти особый очеркъ его жизни и дѣятельности (V. Hehn, ein Bild seines Lebens und seiner Werke, Berlin, 1891) и положивъ не мало труда на переизданіе его основного сочиненія съ дополненіями, соотвѣтствующими современному уровню научнаго движенія.

В. Генъ исходитъ въ своемъ изслѣдованіи изъ историческихъ данныхъ античныхъ и средневѣковыхъ писателей о жизни, обычаяхъ и языкахъ преимущественно обитателей сѣверной Европы, дополняя и освѣщая эти свѣдѣнія показаніями лингвистики, отъ которой онъ отправляется лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ясно и опредѣленно выставилъ слѣдующія два возраженія противъ своихъ предшественниковъ, пользовавшихся фактами языка вышеуказаннымъ образомъ: 1) онъ протестуетъ противъ соединенія съ словами индоевропейскаго праязыка тѣхъ культурныхъ понятій, которыя составляютъ принадлежность послѣдующаго времени (напримѣръ, изъ сопоставленія между собою индоевропейскихъ языковъ вытекаетъ, что въ общемъ индоевропейскомъ праязыкѣ было извѣстно слово со значеніемъ „лошадь“, но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы въ ту отдаленную эпоху „лошадь“ была уже извѣстна какъ прирученное домашнее животное, которымъ она является въ позднѣйшія эпохи); 2) онъ, подобно Шлейхеру, отмѣчаетъ важное значеніе заимствованій культурныхъ терминовъ однимъ народомъ у другого, на что въ прежнее время не обращали должнаго вниманія; его отличіе отъ названнаго ученаго состоитъ при этомъ въ допущеніи возможности такихъ заимствованій и въ ту эпоху, когда разошедшіеся впослѣдствіи въ своей исторіи языки были еще близки другъ другу, такъ что вмѣстѣ съ усвоеніемъ новаго понятія появляется для него соотвѣтственное названіе, аналогичное тому, какое оно имѣетъ на своей родинѣ; перелагая примѣръ

Гена на языкъ современной науки, мы скажемъ, напримѣръ, что если у одного изъ родственныхъ народовъ, живущихъ въ связи и не теряющихъ между собою общенія, появляется понятіе „молоть“ и для обозначенія его примѣняется слово, извѣстное всѣмъ этимъ народамъ въ общемъ значеніи „измельчать“, то вмѣстѣ съ распространеніемъ даннаго понятія распространяется и примѣненіе къ нему слова, общаго въ первоначальномъ его значеніи всѣмъ даннымъ языкамъ.

То общее представленіе о культурѣ нашихъ предковъ, которое читатель выноситъ изъ книги Гена, кореннымъ образомъ отличается отъ прежнихъ идиллическихъ картинъ. Въ его изображеніи индоевропейцы являются племенемъ, живущимъ кочевою пастушескою жизнью и знакомящимся съ начатками земледѣлія лишь въ концѣ періода совмѣстной жизни; въ качествѣ прирученныхъ животныхъ имъ извѣстны: рогатый скотъ, овцы и свиньи; пищей служатъ мясо и молоко, не перерабатываемое въ масло или сыръ, жилищемъ въ зимній періодъ искусственныя пещеры, прикрытыя дерномъ или навозомъ, лѣтомъ—шалашъ или деревянная повозка на колесахъ; изъ напитковъ извѣстенъ только медъ, а соль становится достояніемъ только тѣхъ индоевропейцевъ, которые перешли въ Европу и изъ числа металловъ принесли съ собою только мѣдь, не перерабатываемую, впрочемъ, въ издѣлія. Семейная жизнь также была очень первобытна съ убійствами неспособныхъ къ труду стариковъ, съ свободнымъ правомъ отца отказаться отъ новорожденнаго, съ куплею или умычкою жены и т. д. Религіозныя представленія въ эту эпоху, по Гену, были очень примитивны: не было еще сдѣлано шага къ олицетворенію силъ природы, при чемъ господствовали вѣра въ волхвованіе и суевѣріе.

Вліяніе Гена сказалось не такъ скоро. Въ ближайшее къ появленію его книги время продолжали господствовать еще прежніе взгляды, и книга Фикка, появившаяся въ 1873 г. „Die ehemalige Spracheinheit der Indogermanen Europas“, стоитъ въ общемъ на прежней почвѣ. Семидесятые годы, посвященные оживленной разработкѣ многихъ принципіальныхъ и цѣлаго ряда детальныхъ вопросовъ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ, по справедливому замѣчанію проф. Шрадера, отвлекли вниманіе отъ индоевропейскихъ древностей, но, конечно, прошли далеко не безрезультатно для этой дисциплины, такъ какъ успѣхи научнаго изслѣдованія сказались и въ области этимологіи, создавая прочную базу для культурно-историческихъ работъ по даннымъ языка. Въ 1883 г. вышло первое изданіе „Sprachvergleichung und Urgeschichte“ нашего автора, который при-

влекъ къ дѣлу въ обширныхъ размѣрахъ данныя, добытыя цѣлымъ рядомъ различныхъ спеціалистовъ относительно культуры доисторическаго періода путемъ изслѣдованія ея матеріальныхъ остатковъ. Въ связи съ этимъ, а также въ связи съ осторожностью спеціалиста въ области языковѣдѣнія при пользованіи ея данными и стоитъ то обстоятельство, что проф. Шрадеръ пришелъ къ нѣсколько инымъ выводамъ, чѣмъ В. Генъ. Его очеркъ охватываетъ между прочимъ и такія явленія, о которыхъ не упоминаетъ этотъ послѣдній. Не касаясь мелкихъ подробностей, слѣдуетъ отмѣтить, что культура индоевропейцевъ въ изображеніи проф. Шрадера совпадаетъ съ культурою неолитическаго періода; далѣе имъ констатируется переходъ отъ пастушескаго быта къ земледѣлію въ его первоначальномъ видѣ. Выводы нашего автора были въ общемъ приняты и усвоены наукою. Въ дальнѣйшихъ своихъ трудахъ онъ дополнялъ и расширялъ кругъ своихъ изслѣдованій, оставаясь на той же самой почвѣ, какая имъ была занята въ первомъ большомъ трудѣ. Изъ числа этихъ послѣдующихъ работъ особое мѣсто занимаетъ словарь индоевропейскихъ древностей („Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde“), представляющій въ алфавитномъ порядкѣ рядъ статей по вопросамъ этой послѣдней.

Однако, направленіе, нашедшее наиболѣе полное выраженіе въ только что указанныхъ изслѣдованіяхъ, встрѣтило не очень давно скептическое отношеніе со стороны Кречмера и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ, о которомъ я скажу при передачѣ методологическихъ воззрѣній, изложенныхъ въ разбираемой книгѣ.

Третья глава говоритъ о взглядахъ, высказывавшихся различными учеными по вопросу о раздѣленіи индоевропейцевъ и ихъ разселеніи по выходѣ изъ старой прародины.

Здѣсь профессоръ Шрадеръ начинаетъ свой обзоръ съ теоріи Шлейхера, упомянувъ въ нѣсколькихъ словахъ о томъ, что открытіе индоевропейскаго праязыка повлекло за собою и разсмотрѣніе вопроса о его распаденіи, при чемъ отдѣльные языки, его потомки, соединялись въ группы по ближайшимъ родственнымъ отношеніямъ, которыя усматривались частью въ общемъ даннымъ языкамъ сохраненіи старины, частью въ общихъ ея измѣненіяхъ. О томъ, какія именно группы принимались Боппомъ, Гриммомъ и другими, говорилось въ первой главѣ. Взглядъ Боппа въ его окончательномъ видѣ слѣдующій: славяно-литовская вѣтвь уже по отдѣленіи прочихъ языковъ оставалась въ ближайшей связи съ индоиранскою группою, которая распалась на вѣтви индійскую и иранскую уже по отдѣленіи славяно-литовской вѣтви.

Теорія Шлейхера называется теоріей родословнаго древа (самъ Шлейхеръ по указанію профессора Шрадера употребилъ этотъ терминъ впервые въ 1863 г. въ брошюрѣ „Die Darwinsche Theorie und die Sprachwissenschaft“, имѣющейся и въ русскомъ переводѣ), и графически онъ самъ изображалъ процессъ распаденія индоевропейскаго праязыка сначала въ видѣ развѣтвленія древеснаго ствола, впослѣдствіи же примѣнялъ для этой цѣли схему развѣтвленія прямой линіи. Сущность этой теоріи въ слѣдующемъ: въ составѣ индоевропейскаго праязыка вслѣдствіе лежащаго въ природѣ языка стремленія къ дифференціаціи выдѣлилось два языка (можетъ быть, такихъ языковъ было и больше, но удержались и продолжали развиваться дальше именно два языка); съ теченіемъ времени произошло разселеніе индоевропейцевъ, и вынесенныя ими изъ прародины разновидности общаго праязыка вновь дифференцировались. При опредѣленіи ближайшихъ родственныхъ отношеній между отдѣльными потомками общаго праязыка онъ исходилъ изъ двухъ положеній: 1) чѣмъ дальше на западъ продвинулся индоевропейскій языкъ, тѣмъ больше въ немъ новообразованій и тѣмъ меньше въ немъ стараго; 2) чѣмъ дальше на западѣ лежитъ индоевропейскій языкъ, тѣмъ раньше отдѣлился онъ отъ общаго корня. Согласно этой схемѣ раньше всего начали свое странствованіе славяно-германцы, затѣмъ двинулись греки-италійцы и наконецъ индоиранцы. Только по отношенію къ кельтскимъ языкамъ Шлейхеръ оказался въ затрудненіи; сначала, въ соотвѣтствіи со вторымъ своимъ положеніемъ, онъ полагалъ, что они выдѣлились раньше прочихъ своихъ сородичей, но затѣмъ ближайшее знакомство съ этими языками заставило его сблизить ихъ съ греко-италійскою группою, а это, какъ замѣчаетъ профессоръ Шрадеръ, нарушило общій принципъ, положенный въ основаніе всей системы.

Въ томъ же году (1853), въ которомъ Шлейхеръ впервые выступилъ со своимъ взглядомъ на распаденіе индоевропейскаго праязыка, Максъ Мюллеръ высказалъ мысль о томъ, что индоевропейцы раздѣлились первоначально на двѣ части, сѣверозападную, родоначальницу европейскихъ народностей нашего племени, и южную, распавшуюся затѣмъ на индійцевъ и иранцевъ. Эта теорія, высказанная въ первоначальномъ видѣ безъ достаточнаго обоснованія, нашла себѣ затѣмъ защитниковъ въ лицѣ Лоттнера, Курціуса, Фикка и другихъ, указывавшихъ на общія всѣмъ европейскимъ языкамъ нашей семьи особенности, отличающія ихъ отъ азіатскихъ сородичей.

Основная мысль Шлейхера была развита и по отношенію къ от-

дѣльнымъ индоевропейскимъ вѣтвямъ и ихъ группамъ, при чемъ господствовало убѣжденіе въ томъ, что элементы ближайшаго сходства двухъ или большаго числа языковъ объясняются лишь предположеніемъ о совмѣстной жизни данныхъ языковъ по отдѣленіи отъ прочихъ сородичей въ видѣ одного общаго языка, распавшагося съ теченіемъ времени на тѣ или другія части.

Противъ теоріи родословнаго древа выступилъ въ 1872 г. одинъ изъ виднѣйшихъ представителей сравнительнаго языковѣдѣнія послѣ шлейхеровскаго періода, скончавшійся 4 года тому назадъ профессоръ Берлинскаго университета Іоганнъ Шмидтъ (Johannes Schmidt). По его мнѣнію вся совокупность индоевропейскихъ языковъ представляетъ изъ себя непрерывный рядъ, въ которомъ каждые два сосѣднихъ элемента имѣютъ спеціальныя черты сходства, при чемъ извѣстныя явленія захватываютъ нѣсколько сосѣднихъ языковъ, перекрещиваясь въ различныхъ направленіяхъ. Объясняется такое положеніе тѣмъ, что въ отдаленную эпоху индоевропейскаго праязыка, представлявшаго одну массу, въ различныхъ ея пунктахъ возникали различныя особенности, распространявшіяся въ различной степени на сосѣдніе элементы. Наличность рѣзкихъ переходовъ между отдѣльными группами языковъ, которыхъ не должно было бы быть при такомъ пониманіи процесса дифференціаціи, объясняется по Шмидту исчезновеніемъ промежуточныхъ элементовъ вслѣдствіе преобладанія по различнымъ условіямъ одного варіанта надъ сосѣдями съ той и съ другой стороны. Нужно еще замѣтить, что изъ этой теоріи, получившей названіе теоріи волнъ (Wellentheorie), вытекаетъ признаніе современнаго распредѣленія индоевропейскихъ языковъ отраженіемъ отношеній, существовавшихъ въ прародинѣ только въ значительно меньшемъ масштабѣ.

Взгляды Шмидта нашли себѣ горячихъ послѣдователей въ лицѣ нѣкоторыхъ спеціалистовъ, изучавшихъ діалектологію современныхъ языковъ, съ другой стороны, не менѣе рѣшительныхъ противниковъ, которые пытались подорвать оспариваемое ученіе устраненіемъ аргументовъ его автора. Дѣйствительно, выяснилось, что рядъ особенностей звуковой стороны, на которыя ссылался Шмидтъ, слѣдуетъ понимать иначе (напр. доказано между прочимъ самимъ Шмидтомъ, что и индо-иранскіе языки имѣли нѣкогда гласныя, соотвѣтствующія европейскимъ *e* и *o*, и что въ самомъ праязыкѣ существовало не одно только *a*, на сохраненіе котораго индо-иранцами въ противоположность обще-европейскому расщепленію и ссылался Шмидтъ), но онъ все-таки не соглашался съ тѣмъ, что его теоріи нанесенъ ударъ, такъ какъ, по

его мнѣнію, не всѣ возраженія имѣли силу (напр. открытіе въ индоевропейскомъ праязыкѣ двухъ, а затѣмъ трехъ рядовъ звуковъ k и g вмѣсто одной пары k и g, которую принимали раньше и въ измѣненіи которой различнымъ образомъ въ группахъ индоевропейскихъ языковъ онъ видѣлъ одно изъ доказательствъ своего взгляда, по его убѣжденію, его нисколько не опровергаетъ потому, что остается необъяснимымъ иначе сходство, напримѣръ, литовско-славянско-индоиранскихъ языковъ въ измѣненіи k и g средне-нѣбныхъ въ извѣстные звуки нѣбно-зубного класса). Профессоръ Шрадеръ признаетъ правильность аргументаціи I. Шмидта, какъ мнѣ кажется, не вполнѣ основательно. Я предпочитаю держаться точки зрѣнія, развитой Бругманомъ (ср. стр. 76 сл. книги проф. Шрадера), что подобнаго рода совпаденія могутъ быть (хотя и не должны быть обязательно) результатомъ случайности, и что въ вопросѣ о ближайшемъ родствѣ между отдѣльными родственными языками дѣло рѣшаютъ не единичныя черты сходства, но наличность ряда тожественныхъ новообразованій. Я думаю далѣе, какъ и многіе лингвисты, что вопросъ рѣшается на основаніи совокупности всѣхъ данныхъ исторіи разсматриваемыхъ языковъ, и что мы лишены права выхватывать лишь тѣ или другія единичныя черты.

Крайности обѣихъ теорій, какъ родословнаго дерева, такъ и волнъ были примирены извѣстнымъ славистомъ Лескиномъ въ 1876 году. Въ предисловіи къ книгѣ „Die Deklination im Slavisch-Litauischen und Germanischen“ онъ указалъ на невозможность представить себѣ распространеніе индоевропейцевъ исключительно въ видѣ постепеннаго расширенія безъ нарушенія взаимнаго соотношенія по мѣсту, существовавшаго въ прародинѣ. Дѣло не обошлось безъ перемѣщеній отдѣльныхъ группъ, безъ выселеній. Такимъ образомъ получается слѣдующая схема: если возьмемъ, напримѣръ, въ средѣ индоевропейскаго праязыка группы *a*, *b*, *c*, ставшія съ теченіемъ времени родоначальниками отдѣльныхъ вѣтвей, то связь между ними могла быть различнаго рода, а именно извѣстныя явленія были общи *a*, *b*, *c*, нѣкоторыя *a* и *b*, третьи *b* и *c*; наступившее затѣмъ выселеніе *c* уничтожило связь между *c*, съ одной стороны, и *a* и *b* съ другой, такъ что послѣ этого событія *a* и *b*, оставшіяся въ прежнемъ положеніи относительно другъ друга, могли пережить совмѣстно явленія, въ которыхъ уже не принимало участіе *c*.

Въ связь съ наблюденіями надъ исторіей живыхъ языковъ и надъ жизнью языка вообще слѣдуетъ, очевидно, приводить фактъ призна-

нія теоріи Лескина со стороны большинства представителей лингвистики. Вопросъ только въ томъ, какими именно конкретными актами происходило распаденіе индоевропейскаго праязыка, и я держусь того мнѣнія, что всѣ попытки начертать этотъ процессъ остаются при современномъ состояніи науки болѣе или менѣе остроумными предположеніями. Точно также, признавая принципіально важность возможности факта взаимнаго вліянія другъ на друга индоевропейскихъ языковъ и неиндоевропейскихъ ихъ предшественниковъ, выдвинутаго нѣкоторыми учеными для объясненія извѣстныхъ явленій въ области тѣхъ или другихъ языковъ нашей семьи (Пенка, Гиртъ и др.), я опять-таки не рѣшился бы пока на конкретное примѣненіе этой гипотезы въ той или другой области.

Четвертая глава посвящена исторіи вопроса о прародинѣ индоевропейцевъ. Здѣсь мы находимъ хорошій обзоръ различныхъ отвѣтовъ на эту проблему, дававшихся послѣ примѣненія къ ея разрѣшенію данныхъ „лингвистической палеонтологіи“, а о прежнихъ попыткахъ въ этомъ родѣ рѣчь шла въ первой главѣ (см. выше).

И въ данной области начало систематическому изслѣдованію положилъ Пиктэ, который высказался въ пользу древней Бактріи, отправляясь отъ ряда аргументовъ лингвистическихъ, топографическихъ и историко-географическихъ. Въ послѣдующее время не мало ученыхъ и дилеттантовъ занимались столь интересовавшимъ ихъ вопросомъ. Изъ живо написаннаго очерка профессора Шрадера легко извлечь основные пункты, около которыхъ вращался ученый споръ, и такимъ образомъ не трудно познакомиться съ общимъ его теченіемъ. Насколько рѣшительно высказывались въ прежнее время въ пользу извѣстныхъ мѣстностей къ юго-востоку отъ Каспійскаго моря (я не считаю нужнымъ останавливаться на теоріи объ индійскомъ происхожденіи индоевропейцевъ, какъ совершенно неудачной и основанной на ошибочномъ представленіи о санскритѣ, будто бы бывшемъ именно тѣмъ праязыкомъ, отъ котораго произошли всѣ прочіе родственные съ нимъ языки), настолько рѣшительно въ настоящее время большинство ищетъ прародину нашего племени въ томъ или другомъ пунктѣ Европы.

Со стороны лингвистовъ и представителей другихъ спеціальностей, отстаивавшихъ первое направленіе, выдвигались частью аргументы, опиравшіеся на общія соображенія объ Азіи, колыбели рода человѣческаго, частью на болѣе детальныя указанія, почерпнутыя изъ преданій и древнѣйшихъ литературныхъ памятниковъ иранцевъ и индій-

цевъ, изъ представленій о ходѣ разселенія индоевропейцевъ, изъ убѣжденія въ томъ, что языки, наиболѣе древніе по своему строю, каковыми признавались языки древнеиндійскій и древнеиранскіе, должны находиться къ предполагаемой прародинѣ ближе всѣхъ прочихъ сородичей, и наконецъ изъ данныхъ, добытыхъ сравнительно-историческимъ изслѣдованіемъ индоевропейскихъ языковъ. Этимъ послѣднимъ путемъ думали найти такія указанія на климатическія и топографическія условія, а также на фауну и флору, которыя позволили бы пріурочить предполагаемую прародину къ опредѣленному географическому пункту.

Что касается второго главнаго направленія въ исторіи разбираемаго вопроса, то за Европу впервые былъ поданъ голосъ тоже на основаніи общихъ соображеній, а именно англичанинъ Latham еще въ 1851 г. отмѣтилъ бо́льшую вѣроятность предположенія, указывающаго на Европу, а не на Азію, такъ какъ мысль объ отдѣленіи меньшей массы языковъ, къ тому же болѣе однородной, какою являются языки индо-иранской вѣтви, отъ бо́льшей и болѣе дифференцированной, каковы европейскіе языки нашей семьи, болѣе вѣроятна, чѣмъ противоположное ей утвержденіе, выводящее индоевропейцевъ изъ Азіи, гдѣ они оставили только незначительную часть своего состава. Какъ и слѣдуетъ ожидать, эта гипотеза вызвала оживленный обмѣнъ мнѣній и дальнѣйшее развитіе положенной въ ея основаніе мысли о томъ, что исходный пунктъ распространенія индоевропейцевъ нужно искать въ Европѣ. Различные ученые при томъ различно опредѣляли географическое положеніе этого пункта (Скандинавія, Пинскія болота, сѣверная Германія, южнорусскія степи), при чемъ нѣкоторые указывали довольно обширныя территоріи (отъ 35° сѣверной широты до полярнаго круга). И здѣсь мы встрѣчаемъ аргументы общаго характера, а также заключенія отъ данныхъ „лингвистической палеонтологіи“; отличіе только въ томъ, что за европейскую теорію высказывались антропологи и археологи, приводя доказательства, заимствованныя изъ области своихъ наукъ.

Я безусловно согласенъ съ профессоромъ Шрадеромъ, Кречмеромъ и нѣкоторыми другими въ ихъ отрицательномъ отношеніи къ попыткамъ извлечь указанія для рѣшенія вопроса о прародинѣ индоевропейцевъ изъ фактовъ, открываемыхъ антропологіей и археологіей (см. мою статью въ „Юбилейномъ сборникѣ въ честь Вс. Ѳ. Миллера“). Что касается первой дисциплины, то вѣра въ возможность опредѣленія рѣзко выраженныхъ разновидностей доисторическихъ расъ на осно-

ваніи краніологическихъ измѣреній случайно сохранившихся цѣлыхъ череповъ и ихъ кусковъ уже сильно поколебалась въ связи съ наблюденіями надъ существующими нынѣ расами, у которыхъ мы находимъ въ бо́льшей или меньшей степени смѣшеніе различныхъ въ этомъ отношеніи типовъ. Съ другой стороны, необходимой предпосылкой при всѣхъ выводахъ о связи теперешнихъ обитателей Европы съ ихъ доисторическими предшественниками было убѣжденіе въ постоянствѣ краніологическихъ признаковъ, однако, и эта точка зрѣнія авторитетными учеными признается не надежной, напримѣръ, такой авторитетъ, какъ Вирховъ, высказавшій свой скептическій взглядъ по первому, только что упомянутому пункту, говоритъ о возможности перехода долихоцефаловъ въ брахицефалы (см. литературу вопроса во II главѣ книги Кречмера „Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache“). Не менѣе скептически приходится относиться пока и къ попыткамъ привлечь къ дѣлу другіе признаки, какъ-то: форму лица, цвѣтъ и строеніе волосъ, цвѣтъ кожи и т. п. Въ результатѣ гипотезы, отожествлявшія индоевропейцевъ то съ одною, то съ другою неолитическою расою, надо признать мало обоснованными и въ той ихъ части, которая касается самого опредѣленія этихъ послѣднихъ, и по вопросу о самой связи одной изъ нихъ съ индоевропейцами. Хорошимъ подтвержденіемъ правильности такого отношенія служитъ, по моему мнѣнію, большое различіе, частію даже противоположность, теорій, выставленныхъ различными учеными.

Не лучше обстоитъ дѣло и съ теоріями, опирающимися на данныя археологіи; сюда относятся работы Муха и Коссинны. Первый изъ нихъ привлекъ къ дѣлу болѣе или менѣе всѣ остатки матеріальной культуры, тогда какъ второй основывается почти исключительно на внѣшней формѣ и орнаментѣ глиняныхъ горшковъ. Общимъ для обоихъ является предположеніе о томъ, что географическое распредѣленіе остатковъ, свидѣтельствующихъ объ успѣхахъ культурнаго движенія, обязано своимъ происхожденіемъ передвиженіямъ народовъ, и что путемъ изученія данныхъ этого рода можно опредѣлить исходный пунктъ даннаго движенія. Проф. Шрадеръ вполнѣ правъ, отмѣчая всю шаткость и произвольность выводовъ этого рода, зависящихъ отъ случайныхъ остатковъ и не считающихся съ торговыми операціями; и для меня, какъ и для него, является ничѣмъ не доказаннымъ приписываніе индоевропейцамъ извѣстнаго типа произведеній матеріальной культуры (въ различномъ при томъ направленіи у обоихъ ученыхъ), хотя бы на первый взглядъ и могло подкупать то

обстоятельство, что и Мухъ, и Коссинна, каждый съ своей точки зрѣнія, пришли къ сходнымъ результатамъ, опредѣляя прародину въ сѣверной Германіи.

Такимъ образомъ европейская теорія лишается того важнаго преимущества, которое, казалось, она имѣла передъ гипотезою, искавшею прародину въ Азіи, получая поддержку со стороны областей знанія, располагающихъ объективными данными. Посмотримъ теперь, какъ обстоитъ дѣло по отношенію къ аргументамъ, извлекаемымъ изъ показаній языка, освѣщаемыхъ данными исторіи культуры.

На стр. 124 проф. Шрадеръ пишетъ: „Если такимъ образомъ ни антропологіи, ни доисторической археологіи не удалось до сихъ поръ представить какія либо рѣшающія точки зрѣнія при отвѣтѣ на вопросъ о прародинѣ индоевропейцевъ, то въ качествѣ единственнаго пути, который можетъ въ настоящее время съ надеждою на успѣхъ приблизить насъ къ рѣшенію трудной проблемы, остается все-таки путь лингвистическо-историческій, т. е. соединеніе лингвистическихъ, историческихъ и географическихъ соображеній“. Разсматривая непредубѣжденнымъ взоромъ тѣ мотивы, по которымъ различные ученые помѣщали искомую прародину къ различныхъ пунктахъ Европы, мы, однако, не можемъ не усумниться въ возможности опредѣленнаго отвѣта на поставленный вопросъ и при только что указанномъ методѣ. Дѣйствительно, если данныя „лингвистической палеонтологіи“, приводившіяся въ пользу азіатской теоріи, и не выдерживаютъ критики, или, лучше сказать, не рѣшаютъ вопроса въ этомъ именно смыслѣ, то и однородныя данныя, которыми обосновываютъ европейскую теорію, находятся въ томъ же положеніи. Въ самомъ дѣлѣ, подобно тому какъ въ прежнее время господствовало убѣжденіе въ томъ, что прародину нужно искать въ Азіи, и что требуется только ближайшее опредѣленіе ея географическаго положенія, такъ впослѣдствіи большинство склонилось на сторону гипотезы, впервые высказанной англичаниномъ *Latham*'омъ на основаніи общихъ соображеній. Что же касается лингвистическихъ данныхъ, то они даютъ лишь очень общія указанія на природу прародины, подходящія къ весьма различнымъ пунктамъ; нѣкоторые отдѣльные факты эксплоатировались одинаково сторонниками обѣихъ гипотезъ, большинство которыхъ отправляется обыкновенно не отъ всей совокупности данныхъ, а лишь отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Только сравнительно немногіе ученые (напр. Уитней, позже отчасти Кречмеръ) стали на скептическую точку зрѣнія въ данномъ вопросѣ. Разъ дѣло не рѣшается ни теоретическими соображе-

ніями [1]), ни помощью антропологіи и археологіи, разъ „лингвистическая палеонтологія“ можетъ добыть только наиболѣе общія указанія на природу прародины индоевропейцевъ и на условія жизни въ ней, то врядъ ли вообще возможна точная ея фиксація. Если уже и вѣрить въ эту возможность, то наиболѣе правильнымъ все-таки будетъ путь, избранный нашимъ авторомъ, который, опредѣляя прародину въ степной области юговосточной Европы, заходящей и въ предѣлы Азіи, отправляется болѣе или менѣе отъ всей совокупности данныхъ и не выхватываетъ лишь нѣкоторые факты, какъ то дѣлаютъ другіе, основывающіеся напр. на области распространенія бука, извѣстнаго по ихъ мнѣнію индоевропейцамъ (Гиртъ). Подробнѣе о теоріи проф. Шрадера я скажу въ свое время, когда появится выпускъ, заключающій въ себѣ ея изложеніе, пока же я ограничиваюсь общими принципіальными замѣчаніями въ связи съ разбираемой 4-ой главой, содержащей лишь краткія указанія на рѣшеніе даннаго вопроса авторомъ. Въ заключеніе я долженъ сказать, что врядъ ли можно ждать надежнаго матеріала для опредѣленія прародины индоевропейцевъ отъ того или другого отвѣта на поставленныя уже наукою проблемы о родственныхъ отношеніяхъ индоевропейскихъ языковъ съ одной стороны къ финскимъ, а съ другой—къ семитскимъ языкамъ, такъ какъ тутъ мы будемъ имѣть дѣло съ такими отдаленными эпохами, которыя, можетъ быть, отдѣлены рядомъ вѣковъ и всякихъ передвиженій населенія отъ той эпохи, съ которою мы знакомимся по даннымъ сравнительно-историческаго изслѣдованія индоевропейскихъ языковъ. Что касается аргумента Іог. Шмидта, приводившаго въ пользу азіатской теоріи указаніе на старинныя культурныя связи индоевропейцевъ съ семитами (древнеинд. *paraçus*, греч. πέλεκυς (заимствованы)=суммер. *balag*, вавил.-ассир. *pilakku*—„топоръ“; древнеинд. *lōhás*, *lōhám*—„мѣдь“, слав. *роуда*, лат. *raudus*, древнесканд. *raudi*—суммер. *urud*—„мѣдь“; вліяніе на десятичную систему счисленія вавилонской, гдѣ важную роль играетъ число „60“, ср. напр., грань, проходящую въ греческомъ языкѣ между ἑξήκοντα и ἑβδομήκοντα), то онъ ничего не доказываетъ, такъ какъ культурное вліяніе одного народа на другой происходитъ и черезъ промежуточную среду и идетъ иногда окольными путями.

[1]) Общимъ соображеніямъ въ данномъ вопросѣ могутъ быть противопоставлены другія, прямо противоположныя первымъ, нельзя напр. ссылаться на то, что изъ двухъ родственныхъ группъ бо́льшая является источникомъ, отъ котораго отдѣлилась меньшая (европейскіе и индійскіе индоевропейцы), такъ какъ напр. численность англо-саксонской расы въ метрополіи несомнѣнно меньше, нежели въ Новомъ Свѣтѣ.

Кречмеръ, отказываясь въ общемъ отъ опредѣленія прародины индоевропейцевъ въ тѣсномъ смыслѣ этого термина, пытается установить границы древнѣйшаго распространенія индоевропейцевъ, которыя онъ получаетъ, отсѣкая области, гдѣ они очевидно являются сравнительно поздними пришельцами. Такимъ путемъ онъ получаетъ узкую полосу, тянущуюся отъ Франціи черезъ всю среднюю Европу до киргизскихъ степей и до Ирана. Дальнѣйшія его разсужденія о томъ, что данныя „лингвистической палеонтологіи“ въ предѣлахъ каждаго отдѣльнаго языка наилучшимъ образомъ согласуются съ мѣстами историческаго мѣстопребыванія его носителей и заставляютъ предполагать отсутствіе значительныхъ перемѣщеній и передвиженій (стр. 64 сл.), представляются мнѣ и въ этой постановкѣ вопроса столь же мало рѣшающими дѣло, какъ и при другомъ, болѣе широкомъ пониманіи проблемы; ср. напр. его соображенія, основанныя на знаніи нѣкоторыми индоевропейцами слова „море“, возникновеніе котораго онъ ищетъ у кельтовъ, такъ какъ ни сѣвернаго, ни балтійскаго моря не было еще въ ледниковый періодъ (а Кречмеръ думаетъ, что индоевропейцамъ принадлежитъ, хотя бы частью, уже культура палеолитической эпохи), а потому и названіе моря могло распространиться только отъ кельтовъ, сидѣвшихъ у океана; проф. Шрадеръ на стр. 194—195 перваго выпуска вполнѣ правильно отмѣтилъ слабую сторону мнѣнія Кречмера, затрудняющагося, что дѣлать съ латинскимъ *mare*, свидѣтельствующимъ о знаніи моря италійскими племенами; выходъ изъ этого, состоящій въ указаніи на неясность отношенія лат. *mare* къ кельтскому *mor*, понятно, неудовлетворителенъ. Я, съ своей стороны, добавилъ бы, что и теорія о палеолитическомъ происхожденіи индоевропейцевъ не болѣе, какъ смѣлая гипотеза.

Перехожу теперь къ разсмотрѣнію содержанія второго отдѣла перваго выпуска, озаглавленнаго „Къ методу и критикѣ лингвистическо-историческаго изслѣдованія“ и распадающагося на десять главъ. По сравненію со вторымъ изданіемъ данныя страницы являются въ переработанномъ и расширенномъ видѣ; это обстоятельство объясняется въ значительной степени тѣмъ, что неоднократно цитированное выше „Введеніе въ исторію греческаго языка“ Кречмера своимъ крайне скептическимъ отношеніемъ къ основнымъ пріемамъ изслѣдованія, примѣняемымъ при разработкѣ вопросовъ индоевропейскихъ древностей, дало проф. Шрадеру поводъ пересмотрѣть всѣ основоположенія этой дисциплины и тѣмъ самымъ занять вполнѣ опредѣленную точку зрѣнія при отстаиваніи ея права на существованіе. Въ извѣстной

части это уже было сдѣлано нашимъ авторомъ въ предисловіи къ „Словарю“, гдѣ понятно не было мѣста для подробнаго и всесторонняго разсмотрѣнія всѣхъ возникающихъ проблемъ.

Съ чувствомъ глубокаго и искренняго удовлетворенія прочитываются тѣ десять главъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Въ позиціи, занятой авторомъ, и въ томъ, какъ онъ ее защищаетъ, нельзя не усмотрѣть новыхъ доводовъ въ пользу жизненности нашей науки и широкихъ перспективъ, ею открываемыхъ, при чемъ скепсисъ Кречмера оказался чрезвычайно полезнымъ, заставивъ продумать и вмѣстѣ съ тѣмъ двинуть впередъ самую постановку основныхъ вопросовъ. Для меня представляется несомнѣннымъ, что книга Кречмера является вполнѣ здоровой реакціей противъ многихъ излишнихъ увлеченій въ области сравнительно-историческаго изслѣдованія индоевропейскихъ языковъ и его приложенія къ изученію индоевропейскихъ древностей; своими слишкомъ далеко идущими соображеніями онъ заставилъ задуматься надъ нѣкоторыми основными положеніями, а это въ высшей степени благотворно для быстро прогрессирующей области знанія, представители которой, увлеченные блестящимъ успѣхомъ и ростомъ науки, нерѣдко впадаютъ въ крайность, примѣняя безъ достаточной осторожности методы изслѣдованія, давшіе столь плодотворные результаты.

Прежде всего возникаетъ для насъ вопросъ о томъ, какъ должны мы смотрѣть на индоевропейскій праязыкъ, на эпоху его распаденія и на ближайшія родственныя отношенія между отдѣльными его вѣтвями. Давно уже прошло то время, когда нашъ праязыкъ представлялся чѣмъ-то особеннымъ сравнительно со своими потомками въ смыслѣ однородности, цѣлостности и идеальной прозрачности своего строя. Теперь мы знаемъ, что онъ, какъ и всякій живой языкъ, распадался на рядъ діалектовъ, и что онъ имѣлъ за собою уже длинную исторію, остающуюся пока для насъ неизвѣстной за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пунктовъ. Мнѣ представляется непослѣдовательнымъ идти пока дальше и строить тѣ или другія гипотезы о болѣе отдаленныхъ эпохахъ. Я уже неоднократно высказывалъ въ печати это свое убѣжденіе, и въ общемъ того же взгляда держится и проф. Шрадеръ, хотя онъ, по моему мнѣнію, не вполнѣ правъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ. На стр. 135 сл. онъ говоритъ о діалектическихъ различіяхъ (фонетическихъ), существовавшихъ въ индоевропейскомъ праязыкѣ, того именно рода, которыя понимаются обыкновенно какъ варіанты одного общаго типа, получившіеся вслѣдствіе измѣненія основного факта различнымъ образомъ въ различныхъ діалектахъ, и

задается вопросомъ, имѣемъ ли мы право примѣнять этотъ принципъ объясненія и къ другимъ различіямъ (морфологическимъ), существовавшимъ въ праязыкѣ, и не правильнѣе ли будетъ понимать ихъ, какъ старыя различія, не сводящіяся къ одному общему типу и свидѣтельствующія, можетъ быть, о томъ отдаленномъ прошломъ, когда рядъ племенъ, которыя еще не были индоевропейцами и представляли извѣстныя различія въ языкѣ, въ силу какихъ-то условій пережили рядъ общихъ моментовъ и создали общій индоевропейскій типъ языка, не исключающій возможности извѣстныхъ различій по отдѣльнымъ группамъ. Я позволю себѣ не согласиться съ почтеннымъ авторомъ, какъ въ общей постановкѣ вопроса, такъ и въ выводахъ. Разъ мы знаемъ, что индоевропейскій праязыкъ имѣлъ длинную исторію (а кромѣ теоретическихъ соображеній, на это указываютъ и объективныя данныя и изъ области фонетики, и изъ области морфологіи), и разъ у насъ нѣтъ доказательствъ, на основаніи которыхъ мы могли бы свести извѣстныя различія, открываемыя въ самомъ праязыкѣ по указанію отдѣльныхъ его потомковъ, къ одному общему источнику, мы вообще не имѣемъ права ставить вопросъ объ ихъ происхожденіи, такъ какъ гадать и почти-что ощупью выбирать одно изъ представляющихся возможными объясненій мы не въ правѣ. Поясню сказанное примѣрами, о которыхъ говоритъ проф. Шрадеръ.

Различіе между германскими и балтійско-славянскими языками, съ одной стороны, и прочими индоевропейскими языками, съ другой, въ образованіи твор. и дат. множ. ч. (ср. готск. *wulfam*, лит. *vilkáms*, стсл. *вльколъ* и древнеинд. *vṛkēbhyas*, греч.—φι, лат.—*bus* и т. д.), по моему мнѣнію, такого рода, что мы пока не въ состояніи сказать что-либо болѣе опредѣленное кромѣ того, что между діалектами индоевропейскаго праязыка мы дѣйствительно наблюдаемъ въ этомъ отношеніи извѣстное различіе, но, какого оно происхожденія, мы не знаемъ. Вышеприведенное предположеніе проф. Шрадера, однако, вызываетъ и спеціальное возраженіе, именно изъ разсмотрѣнія схемъ склоненія вытекаетъ, что уже въ самомъ индоевропейскомъ праязыкѣ мы имѣемъ дѣло съ хорошо намъ извѣстнымъ изъ отдѣльныхъ языковъ явленіемъ, такъ называемымъ синкретизмомъ падежей, а потому и остается открытымъ вопросъ, не скрывается ли за упомянутымъ различіемъ дѣйствительно нѣкогда бывшее сходство въ томъ именно смыслѣ, что изъ двухъ образованій, принадлежавшихъ различнымъ падежамъ, совпавшимъ затѣмъ въ своей исторіи, одни діалекты сохранили одинъ, а другіе—другой падежъ. Уже это соображеніе должно

насъ заставить быть очень осторожными въ своихъ выводахъ и не идти пока дальше констатированія самихъ фактовъ, для объясненія которыхъ въ настоящее время мы не располагаемъ надежной почвой.

По поводу формы будущаго проф. Шрадеръ задаетъ вопросъ: „Я не представляю себѣ, какимъ образомъ можно меня опровергнуть, если я утверждаю: индоевропейскіе языки, подобно финскимъ, вообще не имѣли особаго будущаго времени; это состояніе сохранилось у германцевъ и славянъ, „а индійско-литовское и италійско-кельтское образованія этой формы являются старымъ созданіемъ этихъ группъ, въ которомъ прочіе индоевропейскіе языки никогда не принимали участія“. Въ примѣчаніи говорится, что церковнославянское бышѧштѥ[1]), которое обыкновенно разсматривается, какъ остатокъ стараго будущаго на *sio*, въ сущности только „оказавшаяся безплодной попытка“ образовать эту форму. Если я вѣрно понимаю основную мысль автора, то онъ высказываетъ такое предположеніе: въ извѣстную эпоху различныя группы „индоевропейскаго праязыка“ создали различные способы выраженія формы будущаго времени независимо другъ отъ друга. Терминъ „индоевропейскій праязыкъ“ я беру здѣсь въ ковычки, отмѣчая этимъ то особое его значеніе, какое склоненъ ему придавать проф. Шрадеръ (см. выше). Съ приведеннымъ пониманіемъ настоящаго конкретнаго случая не вполнѣ можно согласиться. Въ самомъ дѣлѣ, во-первыхъ, нѣтъ достаточныхъ данныхъ разсматривать бышѧштѥ, какъ единичный остатокъ оставшагося безрезультатнымъ стремленія образовать форму по индійско-литовскому типу; мнѣ кажется, факты балтійскихъ языковъ свидѣтельствуютъ въ пользу того, что и славянскіе языки получили будущее съ примѣтою *sia*o/e; о томъ же говоритъ и тотъ фактъ, что въ общеславянскую эпоху не было прочно установившагося описательнаго выраженія будущаго времени; наконецъ, врядъ ли и самъ авторъ думаетъ, будто бышѧштѥ, дѣйствительно, только единичный слѣдъ стремленія, оборвавшагося на созданіи этого образованія. Во-вторыхъ, сама связь образованій будущаго времени въ греческомъ языкѣ, равно какъ и извѣстныхъ образованій этой формы въ латинскомъ языкѣ, съ сослагательнымъ наклоненіемъ *сигматическаго* аориста врядъ ли случайнаго происхожденія. Можно думать, что именно такіе конъюнк-

---

[1]) Такъ какъ данное образованіе изъ старославянскихъ текстовъ неизвѣстно (*Leskien „Handbuch“* § 149), то осторожнѣе обозначать его какъ церковнославянское.

тивы и были источникомъ случаевъ употребленія и другихъ конъюнктивовъ въ значеніи будущаго времени. Далѣе, изъ сопоставленія между собою отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ вытекаетъ слѣдующее: въ праязыкѣ значеніе формы будущаго времени получила форма настоящаго времени основъ на *sıa°/e*, имѣвшихъ особое видовое значеніе (Ф. Ѳ. Фортунатовъ опредѣляетъ его, какъ значеніе готовности проявиться признака, обозначаемаго глагольною основою), при чемъ въ извѣстныхъ языкахъ такое образованіе было утрачено и замѣнено частью описательными выраженіями, а въ другихъ, хранившихъ старыя формы косвеннаго наклоненія, оно также вышло изъ употребленія, частью смѣшавшись съ конъюнктивомъ, а частью будучи имъ замѣнено. Утрата (та или иная) образованій будущаго времени въ нѣкоторыхъ языкахъ (напримѣръ, германскихъ) можетъ быть древней, въ другихъ болѣе новой (въ греческомъ языкѣ этотъ процессъ болѣе или менѣе закончился лишь къ началу литературной традиціи). Итакъ, во всякомъ случаѣ мнѣніе проф. Шрадера о формѣ будущаго времени вызываетъ возраженія, вытекающія изъ разсмотрѣнія фактовъ отдѣльныхъ языковъ. Съ принципіальной точки зрѣнія нѣтъ основаній высказываться противъ возможности утраты отдѣльными языками того или другого образованія въ области спряженія, такъ какъ именно въ этой формѣ произошли очень крупныя перемѣщенія и выпаденія.

Возвращаясь къ основной темѣ, я позволю себѣ подчеркнуть еще разъ, что прошлое индоевропейскаго праязыка пока для насъ вообще неизвѣстно, и потому по существу дѣла нельзя приводить отдѣльные конкретные факты въ подтвержденіе общихъ точекъ зрѣнія, такъ какъ въ лучшемъ случаѣ они допускаютъ различное объясненіе. Я вполнѣ присоединяюсь поэтому къ общей мысли проф. Шрадера о томъ, что индо-европейскій праязыкъ и въ древнѣйшія эпохи своего существованія распадался на діалекты, какъ всякій живой, реально существующій языкъ, хотя я и не иду такъ далеко, отказываясь отъ попытокъ видѣть въ извѣстныхъ фактахъ самого праязыка указанія на происхожденіе самихъ діалектовъ. Замѣчу кстати, что, по моему убѣжденію, неточна характеристика современнаго направленія нашей науки на стр. 134: „Однако и въ настоящее время лингвисты не сомнѣваются въ томъ, что за діалектическими и хронологическими различіями индоевропейскаго праязыка,.... слѣдуетъ принимать вполнѣ однородный и не имѣющій діалектовъ праязыкъ, какъ необходимый постулатъ для объясненія единства индоевропейскихъ языковъ“. Такъ,

напримѣръ, Бругманъ, на котораго ссылается авторъ, въ сущности утверждаетъ не совсѣмъ то. Приравнивая нашъ праязыкъ до эпохи его территоріальнаго распространенія („*in der früheren engeren Urheimat*“) въ отношеніи однородности къ баварскому, напримѣръ, діалекту нѣмецкаго языка, этимъ самымъ онъ признаетъ наличность извѣстныхъ діалектическихъ разновидностей. И дѣйствительно, таково мнѣніе большинства ученыхъ (я не рискнулъ бы только на проведеніе аналогіи между праязыкомъ и хотя бы баварскимъ діалектомъ), проф. же Шрадеръ идетъ дальше и строитъ гипотезу о происхожденіи діалектовъ индо-европейскаго языка, которая сама по себѣ можетъ быть вѣроятной, какъ чисто теоретическая возможность, но которая, какъ я старался показать выше, лишена всякихъ объективныхъ основаній.

Рядъ вопросовъ возникаетъ и по поводу такъ называемой эпохи распаденія индоевропейскаго праязыка, т. е. той эпохи, которую мы открываемъ путемъ сравнительно-историческаго изученія его потомковъ. Дѣйствительно, въ настоящее время все больше и больше мы убѣждаемся въ неправильности слишкомъ упрощеннаго взгляда на дѣло, будто мы можемъ возстановить нашъ праязыкъ во всѣхъ его деталяхъ, какъ однородную, реально существовавшую въ извѣстный моментъ величину. Кромѣ діалектическихъ отличій, о которыхъ рѣчь шла выше, мы должны принимать въ расчетъ и то обстоятельство, что мы лишены возможности при настоящемъ положеніи дѣла опредѣлить послѣдовательность тѣхъ измѣненій, которыя, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, придали особый видъ тѣмъ частямъ, на которыя распался праязыкъ. Вполнѣ возможно, что нѣкоторыя отдѣльныя явленія, характерныя для отдѣльныхъ языковъ, возникли еще въ ту эпоху, когда не порывалась связь съ другими родственными элементами, и когда еще продолжали сохраняться въ нихъ такія черты, измѣненіе которыхъ впослѣдствіи придало имъ въ числѣ прочихъ фактовъ характерный для нихъ обликъ; сравните по этому поводу слова Бругмана на 23—24 стр. второго изданія 1-го тома *Grundriss'*а, а также стр. 145 сл. разбираемаго сочиненія. Изъ этого положенія дѣла, однако, не вытекаетъ того вывода, который дѣлали нѣкоторые лингвисты, будто возстановляемыя нами формы нашего праязыка не болѣе, какъ удобные для цѣлей изслѣдованія символы (Дельбрюкъ), будто далѣе единственною реальностью являются родственные другъ другу факты отдѣльныхъ языковъ (Meillet), будто, наконецъ, мы не имѣемъ права соединять въ одно цѣлое отдѣльные реконструированные нами факты и такимъ образомъ открывать какую-либо эпоху въ жизни

праязыка (особенно на этомъ настаиваетъ Кречмеръ). Дѣло обстоитъ не такъ безнадежно, коль скоро мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что мы дѣйствительно не знаемъ подробностей процесса распаденія нашего праязыка, а потому и не должны пытаться дать опредѣленный отвѣтъ на вопросъ, съ какого момента начинается отдѣльное существованіе даннаго языка. Ограничивъ себя въ этомъ отношеніи, мы имѣетъ зато полное право вести исторію его звуковъ и формъ, начиная съ эпохи распаденія индоевропейскаго праязыка, понимая подъ нею условно послѣдніе моменты совмѣстной жизни отдѣльныхъ его потомковъ и отвлекаясь при этомъ отъ возможныхъ передвиженій и выдѣленій, предшествовавшихъ, быть можетъ, фактическому выдѣленію данной группы. Составъ звуковъ и формъ индо-европейскаго праязыка при такомъ взглядѣ на дѣло не болѣе, какъ общій фондъ всѣхъ отдѣльныхъ его вѣтвей, который мы опредѣляемъ пока безъ отношенія къ тому, когда и какіе именно элементы этого фонда начали впервые измѣняться. Съ развиваемой точкой зрѣнія ср. слова Бругмана, напримѣръ, на стр. 22 сл. краткаго изданія „Сравнительной грамматики“. Понятно, что при такомъ условіи отпадаютъ тѣ сомнѣнія и возраженія, которыя мы находимъ въ разбираемой книгѣ. Для насъ должно быть безразличнымъ при современной постановкѣ вопроса, обусловленной состояніемъ нашей науки, дѣйствительно ли сѣверно-европейскіе языки нашей семьи оставались на „индо-европейской ступени“ въ то время, какъ индусы и греки уже давно ушли впередъ въ развитіи своихъ языковъ. Я не рискнулъ бы далѣе, подобно проф. Шрадеру, думать, будто литовскія *sūnùs*—„сынъ“, *ẽsti*—„есть“, *tù*—„ты“ представляютъ собою неизмѣнныя индо-европейскія слова. Нѣкоторую иллюзію можетъ давать графика, но сходство написаній литовскихъ и „индо-европейскихъ“ словъ не должно закрывать намъ глаза на реальное соотношеніе фактовъ. Лит. *esti* имѣетъ, напримѣръ, *e* некраткое по извѣстному закону литовскаго языка (засвидѣтельствовано и *èsti* съ *e* краткимъ или подъ вліяніемъ прочихъ формъ лица съ краткою гласною *e*, при чемъ извѣстны и образованія съ долгою гласною, вѣроятно, подъ вліяніемъ *ẽsame*, *ẽsate* по тематическому спряженію, или можетъ быть подъ вліяніемъ *èst*; *èsme*, *èste* болѣе древни, чѣмъ *ẽsme*, *ẽste*, такъ какъ здѣсь мѣсто ударенія первоначально было на конечномъ слогѣ) и лучше ужъ было бы привести *èsti*; литовское *tù*, надо думать, изъ *tū*; ср. прусское *tū*, *toū*, *tou*; прусское же *tu*, какъ и лат. *tu*, по происхожденію энклитики. Помимо всего этого врядъ ли можно думать, чтобы современное литовское произношеніе приведенныхъ

словъ, варіирующееся притомъ по говорамъ, могло совпадать съ произношеніемъ „индоевропейцевъ“; не говоря уже о цѣломъ рядѣ оттѣнковъ звуковъ, требовалось бы доказать, что современное литовское ударе-ніе совпадаетъ съ индоевропейскимъ, хотя бы въ важнѣйшихъ чертахъ.

Вторая глава разбираемаго отдѣла посвящена вопросу объ отношеніи родства индоевропейскихъ языковъ къ физическому родству племенъ, которымъ принадлежатъ эти языки. Само собою разумѣется, что проф. Шрадеру не было надобности останавливаться слишкомъ долго на критикѣ прежнихъ взглядовъ, заключавшихъ отъ родства языковъ къ родству антропологическихъ типовъ. Правильно подчеркиваетъ онъ, что вопросъ о принадлежности къ той или другой націи опредѣляется не физическими признаками индивидуума, а принадлежностью къ общей духовной культурѣ, среди которой важное мѣсто занимаетъ языкъ (я позволю себѣ дополнить формулировку проф. Шрадера, указывающаго только на языкъ; въ современномъ обществѣ, при сложности духовной культуры, возможны случаи, когда индивидуумы, признающіе свою принадлежность къ извѣстной націи, или плохо владѣютъ даннымъ языкомъ или даже совсѣмъ его не знаютъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторый періодъ своей жизни). Даже съ чисто теоретической точки зрѣнія трудно ждать, чтобы всѣ народы, говорящіе индоевропейскими языками, составляли одно цѣлое и въ физическомъ отношеніи; противъ этого далѣе громко свидѣтельствуютъ, какъ современныя наблюденія надъ антропологическими признаками индоевропейцевъ, такъ и историческія данныя. Я вполнѣ согласенъ съ проф. Шрадеромъ и въ дальнѣйшемъ его утвержденіи, что неправильно ставить вопросъ о томъ, какой изъ типовъ, распространенныхъ среди индоевропейцевъ, можно признать исконнымъ носителемъ индоевропейскаго языка и культуры. Современная антропологія, какъ о томъ рѣчь шла уже выше, отказалась отъ многихъ прежнихъ увлеченій, и напримѣръ Вирховъ прямо отрицаетъ однородность типа индоевропейцевъ въ краніологическомъ отношеніи. Насколько я себѣ представляю положеніе дѣла, мы дѣйствительно лишены возможности выяснить первоначальное состояніе, хотя и можемъ думать, какъ это дѣлаетъ проф. Шрадеръ, что въ старину индоевропейцы представляли болѣе однородное цѣлое, чѣмъ впослѣдствіи, когда они въ значительной степени смѣшались съ различными автохтонами. Очень вѣроятно далѣе предположеніе В. Гена, что темныя разновидности индоевропейцевъ обязаны своимъ возникновеніемъ вліянію болѣе южныхъ мѣстностей или смѣшенію съ темными расами.

Процессъ разселенія индоевропейцевъ, которые, по мнѣнію нашего автора, въ древнѣйшую, доступную нашему изслѣдованію эпоху занимали значительную территорію, онъ представляетъ себѣ, какъ развертываніе (*Aufrollen*), сопровождавшееся перерывомъ непосредственныхъ связей по мѣсту жительства. Въ общемъ, это несомнѣнно вѣрно, хотя детали остаются намъ совершенно неизвѣстными, поскольку передвиженія, о которыхъ идетъ рѣчь, происходили не на памяти исторіи.

За разобранными двумя главами, выясняющими отношеніе проф. Шрадера къ основнымъ затронутымъ въ ней проблемамъ, слѣдуютъ восемь главъ, посвященныхъ критической оцѣнкѣ основоположеній и методовъ лингвистическо-историческаго изслѣдованія.

Прежде всего, авторъ останавливается на вопросѣ о томъ, имѣемъ ли мы право пользоваться такъ называемымъ *argumentum ex silentio*, т. е. дѣлать заключенія на основаніи отсутствія въ данномъ языкѣ или данныхъ языкахъ тѣхъ или другихъ словъ, обозначающихъ культурныя понятія, такъ какъ вѣдь мы знаемъ случаи утраты фактовъ языка въ теченіе исторической его жизни, и, вслѣдствіе этого, отсутствіе упомянутыхъ терминовъ можетъ быть само по себѣ объясняемо, или какъ утрата, или какъ результатъ исконнаго незнакомства съ таковыми. Что касается спеціально индоевропейскихъ языковъ, то необходимо принять въ расчетъ огромную территорію, ими занимаемую и представляющую столь различныя климатическія и топографическія условія, откуда самъ собою вытекаетъ выводъ о необходимости ждать крупныхъ измѣненій въ области первоначально унаслѣдованныхъ терминовъ культурно-историческаго значенія. Проф. Шрадеръ вполнѣ основательно возражаетъ противъ абсолютнаго скепсиса по отношенію къ разбираемому вопросу, каковой высказываетъ, напр., Кречмеръ, по крайней мѣрѣ, теоретически. На стр. 162 сл. мы находимъ слѣдующее положеніе: нельзя думать о случайномъ исчезновеніи нѣкогда существовавшихъ въ языкѣ словъ въ томъ случаѣ, если дѣло идетъ о цѣлой категоріи понятій. Въ качествѣ пояснительныхъ примѣровъ авторъ приводитъ нѣсколько случаевъ, гдѣ въ индоевропейскихъ языкахъ констатирована значительная бѣдность искони родственныхъ обозначеній, не ограничивающихся ближайше родственными или непосредственно соприкасающимися языками, въ области названій рыбъ, судоходства и судостроенія, въ противоположность терминамъ, относящимся къ устройству воза, и нѣкоторыхъ другихъ. Вполнѣ справедливо выводитъ онъ изъ разсмотрѣнія фактовъ этого рода ука-

занія на извѣстныя стороны культурной жизни индоевропейцевъ, въ данномъ случаѣ, напр., указаніе, что индоевропейцы не только не были ихтіофагами, но что рыбы не играли даже сколько-нибудь видной роли въ ихъ обиходѣ, что суда ихъ были, вѣроятно, не иного типа, какъ только древесные стволы и т. д. (см. *Reallexicon* s. v.). На стр. 163 сл. приводятся случаи, когда и по отношенію къ отдѣльнымъ терминамъ (не цѣлымъ ихъ группамъ) мы въ правѣ дѣлать извѣстныя заключенія, на основаніи отсутствія въ данныхъ языкахъ искони родственныхъ обозначеній, именно когда нужныя намъ указанія даетъ сама исторія такихъ словъ (напр., указаніями на отсутствіе оконъ въ жилищѣ индоевропейцевъ служатъ особенности исторіи соотвѣтствующаго слова въ языкахъ: заимствованіе изъ другого языка (лат. *fenestra*), сложеніе (готское *auga-daurō*), этимологія (р. *окно*, ср. *око*) и т. д.).

Въ IV главѣ обсуждается второй вопросъ, касающійся основоположеній лингвистическо-историческаго изслѣдованія: въ сколькихъ языкахъ должны повторяться родственныя слова для того, чтобы мы имѣли право смотрѣть на нихъ, какъ на общеиндоевропейскія, существовавшія въ эпоху праязыка, и какое при этомъ слѣдуетъ придавать значеніе такимъ соотвѣтствіямъ, которыя ограничиваются только нѣкоторыми языками. Важность этой проблемы очевидна для всякаго, кто дастъ себѣ трудъ хотя бы бѣгло просмотрѣть страницы сравнительно-этимологическихъ словарей. Не часты вообще случаи, въ которыхъ данное слово мы можемъ прослѣдить въ данномъ образованіи во всѣхъ родственныхъ языкахъ; чаще тѣ случаи, гдѣ мы можемъ указать во всѣхъ родственныхъ языкахъ образованіе отъ одной и той же основы. Само собою разумѣется, что иногда сама исторія языка даетъ намъ надежную опору для нашихъ выводовъ; это бываетъ, когда соотвѣтствіе въ спеціальномъ, переносномъ значеніи извѣстнаго слова въ нѣкоторыхъ языкахъ при наличности и въ другихъ языкахъ данной основы въ ея первоначальномъ значеніи, заставляетъ насъ признать, что область спеціальнаго значенія, вѣроятно, искони ограничивается данною сферою; на стр. 167 проф. Шрадеръ даетъ нѣсколько примѣровъ; ср. ирл. *imb*, дрвн. *anche* — „масло“, образованія отъ корня съ общимъ значеніемъ „мазать“ (въ глаголѣ), „мазь“ (въ существ.), ср. лат. *unguentum*, древнеинд. *aṅǧana*. Вообще же по отношенію къ единичнымъ случаямъ соотвѣтствій, ограничивающихся лишь нѣсколькими языками, мы не въ состояніи сказать, имѣли ли они нѣкогда болѣе обширную террито-

рію и только исчезли изъ другихъ языковъ, или и первоначальная область ихъ распространенія совпадаетъ съ открываемою нами. Необходимо поэтому, какъ это дѣлаетъ проф. Шрадеръ, настаивать на томъ, что вообще только такія частичныя соотвѣтствія могутъ имѣть значеніе для нашихъ выводовъ, которыя не ограничиваются единичными случаями, а повторяются въ значительномъ ихъ числѣ. Такого рода отношенія отмѣчены наукою только между соприкасающимися (или соприкасавшимися) языками помимо вѣтвей индійской и иранской, съ одной стороны, и балтійской и славянской, — съ другой [1]). Отсюда далѣе вытекаетъ слѣдствіе, что общеиндоевропейскими соотвѣтствіями словъ мы можемъ съ нѣкоторою вѣроятностью признавать такія соотвѣтствія, которыя наблюдаются между языками, рано порвавшими непосредственныя связи другъ съ другомъ; такимъ образомъ, проф. Шрадеръ склоненъ считать индоевропейскими слова, засвидѣтельствованныя, по крайней мѣрѣ, въ одномъ индо-иранскомъ и одномъ европейскомъ языкахъ, въ одномъ сѣверно- и одномъ южноевропейскомъ или даже только въ греческомъ и латинскомъ языкахъ. Само собою разумѣется, что при оцѣнкѣ данныхъ разсматриваемой категоріи мы должны считаться и съ общею вѣроятностью нашихъ предположеній на основаніи нашихъ свѣдѣній объ исторіи индоевропейскихъ языковъ въ ихъ цѣломъ, а, кромѣ того, я позволю себѣ замѣтить, что наибольшую гарантію правильности представляютъ все-таки заключенія, опирающіяся на соотвѣтствія, наблюдаемыя между индо-иранскими и европейскими языками; наиболѣе субъективны выводы, оперирующіе съ фактами третьей категоріи изъ числа вышеупомянутыхъ. Что касается второй категоріи, то, на основаніи предыдущихъ указаній автора, можно дать болѣе точную формулировку, исключающую италійскіе языки, представляющіе пункты соприкосновенія съ кельтскими и далѣе германскими и даже балтійско-славянскими языками. Остается еще освѣтить одну подробность, именно,

---

[1]) Между названными вѣтвями мы имѣемъ болѣе близкое родство, чего нельзя сказать объ остальныхъ „сосѣднихъ“ другъ другу группахъ языковъ, между которыми мы наблюдаемъ лишь извѣстные случаи сходства. Что касается выводовъ Кречмера о кельтско-италійско-индоиранскихъ совпаденіяхъ, то я согласенъ съ проф. Шрадеромъ въ общей ихъ оцѣнкѣ, какъ не имѣющихъ существеннаго значенія, такъ какъ подробный пересмотръ списковъ Іог. Шмидта соотвѣтственно увеличитъ число пунктовъ, въ которыхъ соприкасаются греческій и индо-иранскіе языки. Вообще, весь матеріалъ требуетъ пересмотра и согласованія съ современными данными.

въ какомъ значеніи мы должны принимать термины „индоевропейскій“, „индоевропейская эпоха“ при различныхъ выводахъ, основанныхъ на лексическихъ соотвѣтствіяхъ другъ другу индоевропейскихъ языковъ. Я вполнѣ присоединяюсь къ мысли проф. Шрадера, что мы должны признать полную аналогію между возникновеніемъ такихъ соотвѣтствій, которыя захватываютъ всѣ индоевропейскіе языки, и тѣми, которыя касаются только нѣкоторыхъ изъ нихъ въ вышеуказанныхъ границахъ (т. е. въ извѣстномъ пунктѣ или извѣстныхъ пунктахъ общей массы возникло данное явленіе и распространялось все дальше и дальше), при чемъ относительно случаевъ этого послѣдняго рода мы не можемъ вообще рѣшить вопроса, какъ далеко первоначально простиралась сама сфера распространенія; особенно осторожно нужно пользоваться пунктами сходства между сосѣдними группами языковъ, такъ какъ онѣ могли частью возникнуть, хотя бы и очень давно, но, можетъ быть, уже не въ эпоху общей жизни съ прочими сородичами; однако, частью они могли возникнуть и въ эту эпоху. Усложняется вопросъ еще тѣмъ обстоятельствомъ, что общій ходъ разселенія индоевропейцевъ намъ неизвѣстенъ, и что здѣсь мы имѣемъ дѣло не только съ простымъ постепеннымъ расширеніемъ приблизительно въ томъ же соотношеніи отдѣльныхъ частей, какъ въ прародинѣ, но и съ цѣлымъ рядомъ передвиженій и переселеній. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, наконецъ, и то, что устанавливаемые нами ряды соотвѣтствій не одинаковой древности, такъ какъ они, надо думать, возникали въ различныя эпохи существованія праязыка и распространялись точно такъ же съ различною быстротою, вслѣдствіе чего бывали случаи взаимнаго перекрещиванія въ предѣлахъ даннаго промежутка времени. Это, однако, не должно останавливать насъ, подобно Кречмеру, на пути изслѣдованія, потому что, пока мы вообще не можемъ детально различать эпохи въ существованіи нашего праязыка, мы, въ силу необходимости, должны ограничиваться общими контурами, общею характеристикою, не устанавливая самой постепенности въ пріобрѣтеніи культурныхъ завоеваній тою или другою частью „индоевропейцевъ“.

Въ V главѣ мы встрѣчаемся съ оцѣнкою вопроса, какимъ условіямъ должно удовлетворять сходство отдѣльныхъ словъ въ формальномъ отношеніи, коль скоро мы ими пользуемся, какъ матеріаломъ при лингвистическо-историческихъ изысканіяхъ. Мы видѣли раньше, что объ этихъ условіяхъ высказался уже Кунъ, и не можемъ не признать усовершенствованія метода изслѣдованія въ за-

висимости отъ общихъ успѣховъ науки въ томъ его примѣненіи, какое находимъ въ разбираемомъ трудѣ. Кромѣ основного случая, когда мы находимъ въ отдѣльныхъ языкахъ полное тожество по отношенію къ основѣ и формальнымъ элементамъ даннаго слова, профессоръ Шрадеръ указываетъ еще слѣдующіе случаи, въ которыхъ мы имѣемъ право разсматривать извѣстное слово, какъ аргументъ для нашихъ заключеній положительнаго характера: 1) когда различія въ основѣ или формальномъ элементѣ сводятся къ различіямъ въ звуковомъ видѣ, существовавшимъ въ самомъ праязыкѣ въ зависимости отъ извѣстныхъ условій (напримѣръ, греч. πόδα и лат. *pedem* имѣютъ въ основѣ старое различіе въ гласныхъ, объясняющееся изъ отношеній, бывшихъ въ самомъ индоевропейскомъ праязыкѣ); 2) когда мы находимъ въ отдѣльныхъ мѣстахъ различія въ родѣ или словообразовательномъ элементѣ такого типа, которыя объясняются, какъ позднѣйшія явленія (позволю себѣ дополнить формулировку автора указаніемъ на то, что уже въ самомъ индоевропейскомъ языкѣ могли быть діалектическія различія въ этомъ отношеніи; напримѣръ, различіе между лат. *cor* и лит. *szirdis* можетъ быть старымъ). Съ другой стороны, нельзя не быть осторожнымъ въ такихъ случаяхъ, когда въ родственныхъ языкахъ мы находимъ однородныя образованія отъ родственныхъ корней, такъ какъ возможно, что соотвѣтственныя слова создались независимо другъ отъ друга, коль скоро данный корень и данный суффиксъ принадлежатъ къ числу живыхъ элементовъ даннаго языка (напр., древнеинд. *ǧn̆ātā* при глагольномъ корнѣ *ǧn̆ā*= греч. γνωστήρ при γιγνώσκω, лат. *nōtor* при *nosco*, между прочимъ, въ значеніи „поручитель“, повидимому, самостоятельное образованіе данныхъ языковъ изъ жизнеспособныхъ элементовъ). Во-вторыхъ, съ осторожностью слѣдуетъ пользоваться и звукоподражательными образованіями, между которыми, въ силу ихъ естественности, можетъ и не быть въ извѣстныхъ случаяхъ генетической связи (напр., лат. *ulucus*, древнеинд. úlūka — „сова“; не всѣ, впрочемъ, примѣры проф. Шрадера относятся именно сюда, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ и съ фонетической стороны не могутъ быть признаны искони родственными).

Въ слѣдующей шестой главѣ говорится о томъ, что нельзя упускать изъ виду исторіи значеній словъ въ отдѣльныхъ языкахъ и переносить болѣе поздніе элементы на болѣе отдаленныя эпохи, такъ какъ сплошь да рядомъ остается тотъ или другой терминъ, несмотря на всѣ измѣненія самого понятія; напримѣръ, изъ сопоставленія индо-

европейскихъ языковъ вытекаетъ, что съ дѣйствіемъ, обозначаемымъ глаголомъ „варить“, были знакомы наши отдаленные предки, хотя отсюда не слѣдуетъ, чтобы они обладали и всѣми усовершенствованіями и приспособленіями, явившимися въ результатѣ продолжительнаго культурнаго развитія. Особенно грѣшили въ этомъ отношеніи въ области религіозныхъ и абстрактныхъ понятій. Какъ положительное требованіе, выставляется подчеркнутая уже В. Геномъ необходимость освѣщать выводы, добытые путемъ изученія лингвистическихъ фактовъ данными исторіи культуры.

Въ слѣдующей главѣ идетъ рѣчь о такъ называемыхъ заимствованныхъ словахъ (*Lehnworter*), вопросъ о которыхъ получилъ очень одностороннее освѣщеніе у Кречмера, а въ послѣднее время и у Вундта (*Völkerpsychologie*, I², 2, 642). Я вполнѣ согласенъ съ проф. Шрадеромъ въ отрицательномъ отношеніи къ этимъ попыткамъ лишить значенія выводы на основаніи лингвистическихъ данныхъ, такъ какъ будто бы наличность того или другого культурнаго термина въ индоевропейскую эпоху объясняется такою же передачею даннаго понятія и его знака отъ одной группы къ другой, какую мы находимъ и въ позднѣйшее время. И я, какъ и проф. Шрадеръ, не видимъ въ этомъ ничего рокового для основоположеній лингвистическо-историческихъ изслѣдованій; вѣдь дѣло въ томъ, что въ извѣстную эпоху тотъ или другой терминъ былъ распространенъ среди индоевропейцевъ, и возраженія Кречмера-Вундта имѣли бы силу только тогда, если бы они могли доказать, что индоевропейскіе языки уже послѣ своего раздѣленія долгое время продолжали сохранять неизмѣненнымъ свой общій видъ, и что цѣлый рядъ культурныхъ пріобрѣтеній былъ сдѣланъ въ эту эпоху путемъ передачи отъ одной группы къ другой, частью на разстояніе и черезъ посредствующія народности иного племени; этого, однако, показать нельзя уже по той причинѣ, что данныя языковѣдѣнія говорятъ противъ этого; въ теченіе длиннаго ряда эпохъ, когда индоевропейцы переживали совмѣстно рядъ процессовъ въ языкѣ, ими былъ достигнутъ извѣстный уровень культуры,—иначе мы обязательно нашли бы указанія въ самомъ языкѣ на то, что культурные успѣхи возникли не въ періодъ совмѣстной жизни. Разъ входитъ въ языкъ слово изъ другого языка оно, понятно, не можетъ имѣть слѣдовъ того, что оно подверглось извѣстнымъ измѣненіямъ, которыя до той эпохи произошли въ составѣ даннаго языка, но оно подлежитъ (точнѣе, можетъ подлежать) наравнѣ со своими словами дальнѣйшимъ процессамъ, поскольку они

его могутъ коснуться. Изъ того, что при близкомъ родствѣ языковъ мы не всегда бываемъ въ состояніи отличить заимствованное слово отъ своего, не вытекаетъ, чтобы это было вообще невозможно, и, какъ мы знаемъ, изслѣдованіе заимствованныхъ словъ даетъ важныя указанія не только для культурной исторіи, но даже для хронологіи самихъ явленій языка. Однако, и въ этой области необходимо соблюдать извѣстную осторожность; такъ, не всегда заимствованіе слова можетъ указывать на заимствованіе и самаго понятія. Проф. Шрадеръ указываетъ случаи такого рода, гдѣ введеніе чужого слова объясняется своего рода модою (напримѣръ, широкое распространеніе въ различныхъ языкахъ заимствованныхъ словъ для обозначенія женщинъ легкаго поведенія). Съ другой стороны, онъ правильно выдвигаетъ и то соображеніе, что нерѣдко при заимствованіи слова для обозначенія предмета, уже имѣющаго свой туземный терминъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, можно отмѣтить и особый оттѣнокъ значенія, усваиваемый одновременно съ чужимъ словомъ; такъ, нѣмцы утратили свое слово для обозначенія „лошади“, заимствовавъ новое названіе изъ латинскаго языка (нѣм. *Pferd* заимствовано изъ лат. *paraveredus* — „почтовая лошадь“), такъ какъ „почтовыхъ лошадей“ они узнали отъ римлянъ.

Въ VIII главѣ идетъ рѣчь о тѣхъ указаніяхъ, которыя можетъ извлечь изслѣдователь изъ анализа тѣхъ измѣненій, которымъ подвергается значеніе словъ въ теченіе жизни языка. Проф. Шрадеръ обращаетъ вниманіе на то, что въ большинствѣ случаевъ культурныя пріобрѣтенія отмѣчаются въ этой области, такъ какъ языки лишь въ рѣдкихъ случаяхъ создаютъ новыя слова изъ новыхъ матеріаловъ и не такъ часто прибѣгаютъ къ заимствованіямъ изъ другихъ языковъ. Обыкновенно мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ или инымъ приспособленіемъ уже даннаго въ языкѣ къ новому содержанію. Въ видѣ примѣра приводится, между прочимъ, исторія латинскаго слова *pecunia*, этимологическимъ своимъ составомъ указывающаго на то отдаленное время, когда орудіемъ обмѣна, по большей части, былъ скотъ, именно овцы; дальнѣйшее изслѣдованіе приводитъ его къ убѣжденію, что основное значеніе слова „овца“ было нѣчто въ родѣ „носителя шерсти“; указываетъ далѣе и общеизвѣстный случай, представляемый лат. *hostis*=готск. *gasts*, слав. *гость*, гдѣ изъ болѣе стараго значенія „врагъ“, „чужой“—выработалось значеніе „гость“.

Въ IX и X главахъ, имѣющихъ отчасти резюмирующій характеръ, еще разъ подчеркивается необходимость параллельнаго изслѣдованія

лингвистическихъ данныхъ и фактовъ, засвидѣтельствованныхъ какъ остатками матеріальной культуры, такъ и изученіемъ преданій, обычаевъ и вообще явленій духовной культуры. Заслуживаютъ вниманія горячо написанныя страницы, предостерегающія противъ механическаго перенесенія выводовъ, добытыхъ изученіемъ культуры первобытныхъ народовъ, на индоевропейскую древность, такъ какъ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ отношеніями, имѣющими за собою уже длинное прошлое и уже до нѣкоторой степени сложившимися и, кромѣ того, болѣе или менѣе намъ извѣстными въ ихъ реальномъ видѣ. Какъ примѣръ, приводится, между прочимъ, стремленіе видѣть въ индоевропейской семьѣ слѣды материнскаго права, противъ чего свидѣтельствуютъ факты языка. Вундтъ, по указанію проф. Шрадера, неправильно истолковалъ эти послѣдніе въ пользу упомянутой теоріи и затѣмъ сослался вообще на недостовѣрность показаній этого рода, такъ какъ ему все-таки ихъ не хватило и при произвольномъ пользованіи ими.

Въ заключеніе авторъ подчеркиваетъ, что главною задачею лингвистическо-историческаго изслѣдованія индоевропейскихъ древностей является, прежде всего, созданіе прочнаго основанія для изученія историческихъ культуръ отдѣльныхъ индоевропейскихъ народностей, подобно тому какъ главною задачею сравнительно-исторической грамматики является исторія отдѣльныхъ языковъ, начиная съ періода совмѣстной ихъ жизни. И здѣсь и тамъ реконструкція доисторическаго періода не имѣетъ самостоятельнаго значенія.

За разобранными двумя отдѣлами, представляющими общее значеніе, слѣдуетъ отдѣлъ о важнѣйшемъ факторѣ въ области матеріальной культуры, о появленіи и распространеніи металловъ. Ему посвященъ весь второй выпускъ, распадающійся на десять главъ. Не имѣя возможности передать подробно все очень интересное ихъ содержаніе, я, въ силу необходимости, долженъ ограничиться изложеніемъ основныхъ выводовъ, отмѣтивъ попутно нѣкоторые сомнительные пункты.

Древнѣйшая, доступная намъ ступень культурнаго состоянія индоевропейцевъ принадлежитъ къ неолитической эпохѣ. Орудія и оружіе были, по большей части, каменныя; однако, былъ уже извѣстенъ одинъ металлъ—мѣдь въ чистомъ видѣ, не лигатура, изъ которой приготовлялись предметы украшенія и нѣкоторые предметы домашняго обихода и вооруженія, изготовлявшіеся путемъ отливки въ каменныхъ формахъ (искусство обработки металла ковкою было неизвѣстно). Кромѣ слова, являющагося въ древнеинд. *ayas*, лат. *aes* и т. д., для обозначенія мѣди существовало другое слово, засвидѣтельствованное

древнеинд. *loha*, слав. *руда*, лат. *raudus* и т. д.; это послѣднее заимствовано, вѣроятно, изъ суммерійскаго языка вмѣстѣ съ словомъ, обозначающимъ топоръ (древнеинд. *paraçú* = греч. πέλεκυς), гдѣ эти слова засвидѣтельствованы въ видѣ *urudu* и *balag* (ассир. *pilakku*).

На этой стадіи развитія индоевропейцы распространились по Азіи и Европѣ и оставались на ней, можетъ быть, долгое время, пока съ восточныхъ береговъ Средиземнаго моря не пришла бронза; точный путь постепеннаго распространенія мы начертать не въ состояніи, такъ какъ слишкомъ мало у насъ археологическихъ данныхъ и такъ какъ старыя обозначенія чистой мѣди были затѣмъ перенесены на бронзу. Точное разграниченіе терминологіи въ нашихъ языкахъ началось только въ концѣ античной эпохи. Интересно отмѣтить, что въ суммерійскомъ языкѣ существовали два различныхъ слова для обозначенія „мѣди“ и „бронзы“.

Что касается золота, то родственныя другъ другу его обозначенія можно найти только у индійцевъ и иранцевъ, съ одной стороны, и у славянъ, балтійцевъ и германцевъ, издавна сидѣвшихъ другъ съ другомъ. Греки познакомились съ золотомъ въ періодъ ранней микенской культуры черезъ посредство семитовъ (греч. χρυσός заимствовано изъ семит. языковъ), а кельты узнали золото во время своего набѣга на Италію (ирл. ór заимствовано изъ *aurum*).

Серебро индоевропейцамъ оставалось неизвѣстнымъ; исходный пунктъ его распространенія—Кавказъ. Оттуда же греки получили желѣзо (греч. σίδηρος изъ кавк. zido). На сѣверѣ Европы кельты передали его германцамъ. Свинецъ и олово пришли съ запада Европы.

Вотъ вкратцѣ важнѣйшіе результаты изслѣдованія проф. Шрадера. Отдавая полную справедливость его обширной эрудиціи и искусному примѣненію методовъ, о которыхъ мы говорили выше, я позволю себѣ сдѣлать одно замѣчаніе:

Несмотря на разъясненія автора, для меня остается все-таки болѣе вѣроятнымъ прежнее сопоставленіе древнеинд. *hāṭaka* — съ готск. *gulth*, ст.-слав. *злато*, латышскимъ *zelts*, которое онъ принималъ во 2-мъ изданіи разбираемой книги, именно *hāṭaka*—въ значеніи собственнаго имени народа и страны, вѣроятно, не *prius*, а *posterius* къ значенію „золото“, а это обстоятельство позволяетъ намъ признавать первоначальное знакомство съ золотомъ въ извѣстныхъ предѣлахъ индоевропейскаго племени, такъ какъ данное слово является у индійцевъ, славянъ, балтійцевъ и германцевъ. Что касается литовскаго *áuksas*, прусскаго *ausis*, то предположеніе автора о заимствованіи

этого термина у римлянъ (при Неронѣ былъ отправленъ посолъ для закупки янтаря; въ его свитѣ были, надо думать, лица, говорившія народными діалектами оско-сабельской группы, гдѣ въ то время данное слово не имѣло *r*), дѣйствительно, можетъ быть, имѣетъ за себя шансы, но оно ничего не рѣшало бы само по себѣ въ вопросѣ о старомъ знакомствѣ балтійцевъ съ золотомъ, такъ какъ литовцы и пруссы могли свое слово замѣнить заимствованнымъ (ср. нѣм. *Pferd*, о которомъ говорилось выше).

Разставаясь съ книгой проф. Шрадера, я долженъ въ заключеніе настоящей статьи выразить пожеланіе, чтобы онъ въ возможно непродолжительномъ времени выпустилъ въ свѣтъ третій (и послѣдній) выпускъ, съ содержаніемъ котораго я не замедлю познакомить читателей.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР